

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**  
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение  
высшего образования  
РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ  
(РУДН)

**ФАКУЛЬТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК  
Кафедра социальной философии**

«Допустить к защите»

Заведующая кафедрой  
социальной философии  
д.филол.н., проф. М.Л.Ивлева

«        » \_\_\_\_\_ 2022 год

**Выпускная квалификационная работа магистра**

**Направление 47.04.01 «Философия»**

**«Консервативная революция XX века и ее наследие:  
идеология и практика»**

Выполнил студент: Антонова Наталия Борисовна  
Группа ГФСмд-01-20  
Студенческий билет № 1032197388

Руководитель выпускной  
квалификационной работы  
к.филол.н., доц. Ф.В. Тагиров

\_\_\_\_\_  
(подпись)

Автор \_\_\_\_\_  
(подпись)

**Москва 2022**

## Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Идеологические основы консервативной революции	
1.1 Предтечи правового консерватизма.....	14
1.2 Консервативные идеи в трудах Э. Бёрка.....	16
1.3 Консервативные идеи в работах О. Шпенглера.....	18
1.4 Влияние идей Ф. Ницше на мыслителей консервативной революции.....	26
1.5 Консервативные взгляды ряда современных авторов.....	36
Глава 2 Наследие идей консервативной революции у “Новых правых” и их политическая практика сегодня	
2.1 Консервативные идеи О. Шпенглера и К. Шмитта и их влияние на “Новых правых”.....	39
2.2.1 Генезис интеллектуального движения Nouvelle Droite.....	44
2.2.2 Анализ преемственности идей консервативной революции “Новыми правыми“ .....	47
2.2.3 Место “Новых правых” в современном политическом поле и их идеи.....	51
2.3 Самоопределение “Новых правых” и их политический опыт в современной Америке.....	61
Глава 3 Определение возможности реализации идеи консервативной революции в современном мире	
3.1. Критика авторитарного либерализма в современной Европе и оценка применимости идей консервативной революции.....	68
3.2. Перспективы политической практики идей консервативной революции сегодня.....	77
Заключение.....	83
Список использованной литературы.....	87

# **Консервативная революция XX века и ее наследие:**

## **идеология и практика**

### **Содержание**

Введение

Глава 1 Идеологические основы консервативной революции

1.1 Предтечи правового консерватизма

1.2 Консервативные идеи в трудах Э. Бёрка

1.3 Консервативные идеи в работах О. Шпенглера

1.4 Влияние идей Ф. Ницше на мыслителей консервативной революции

1.5 Консервативные взгляды ряда современных авторов

Глава 2 Наследие идей консервативной революции у “Новых правых” и их политическая практика сегодня

2.1 Консервативные идеи О. Шпенглера и К. Шмитта

и их влияние на “Новых правых”

2.2.1 Генезис интеллектуального движения Nouvelle Droite

2.2.2 Анализ преемственности идей консервативной революции “Новыми правыми”

2.2.3 Место “Новых правых” в современном политическом поле и их идеи

2.3 Самоопределение “Новых правых” и их политический опыт в современной Америке

Глава 3 Определение возможности реализации идеи консервативной революции в современном мире

3.1. Критика авторитарного либерализма в современной Европе и оценка применимости идей консервативной революции

3.2. Перспективы политической практики идей консервативной революции сегодня

Заключение

Список использованной литературы

## Введение

**Актуальность исследования.** Прослеживая генезис консервативной мысли с помощью историко-философского и социально-философского анализа, следует отметить, что современный уровень политического дискурса заметно ниже предыдущего столетия. Внутри стран, являющихся передовыми в экономическом и социо-культурном планах (к тем или иным из которых всегда тяготела Россия, потребляя уже произведенный интеллектуальный продукт, но редко его производя сама), наблюдается отсутствие изменения в политическом эстеблишменте в течение последних пятидесяти лет. В Америке и странах ЕС конечно меняется расстановка сил в парламенте, но преимущественно на выборах побеждают либо либералы, либо консерваторы. Различные другие фракции и партии слишком малочисленны и их программы не содержат в себе того, что по настоящему волнует избирателей, отсутствует идеологическая платформа, которая могла бы противопоставить себя двум политическим гегемонам современности и вместе с этим не порождением одной из них. Поэтому возникает необходимость исследования консервативной революции, как такого интеллектуального течения, которое в корне иначе смотрит и на консерватизм и на либерализм. Интерес представляет разбор оригинальных идей К. Хаусхофера, Р. Керка, М. Оукшотта, Г. Моргентгау, Э. Дж. Грегора и Ж. Фр. Гарьепи, как наименее освещенных в Российском философском дискурсе. Мы проследим генезис понятия «консервативная революция», чтобы определить причины и внутреннюю логику развития этого направления мысли и дать ему наиболее полное изложение.

Перечисленные деятели, будучи знакомыми с трудами Э. Бёрка и Жозефа де Местра, в частности с их идеями верховенства национального права и социально-культурных традиций в рамках одного конкретного государства, размышляли над их приложением с учётом современных им реалий.

Следует отметить, что интеллектуальная мысль, которую мы сегодня

можем отнести к течению консервативной революции параллельно зародилась вспышками во Франции, Англии и Германии XX века. Поэтому содержит в себе общие черты, наложенные временем: рационализм, во многом характерный модерну, религиозное восприятие мира, тяготение к социальной иерархии, возможно в противовес набирающим популярность в интеллектуальной среде анархическим идеям, опору на традиции и реакционный характер ответа внешним вызовам. В целях детального изучения феномена консерватизма и его предтеч следует выделить три основания (в дихотомии утопичность - реальность; в дихотомии статика-динамика; в дихотомии либерализм-консерватизм), в которых можно так же выделить 8 видов: статический; динамический; утопический; реалистический; утопический (хоть и претворённый в реальность с оговорками); реалистический (но с чертами утопии); либеральный консерватизм; истинный консерватизм. Созданная З.Р. Талибуллиной классификация типов консерватизма <sup>1</sup> имеет большие шансы быть успешно применимой в будущих исследованиях.

Консервативная революция в целом - это прежде всего интеллектуальный переворот в консервативных кругах. Смена одной парадигмы консерватизма на другую парадигму консерватизма же. До появления дискурса консервативной революции эти смены представляли собой преимущественно впитывание консерваторами ряда тезисов и мнений своих оппонентов, которые они отстаивали на предыдущем витке дискуссии. Наглядным примером может служить постепенное заимствование позиций у либеральных деятелей периода Просвещения. Таким образом общий политический дискурс с этого периода начинает постепенно дрейфовать влево, с той оговоркой что мы традиционно относим консерваторов в правое крыло политического спектра. Это явление можно ясно видеть и сегодня,

---

<sup>1</sup> Талибуллина Зульфия Рафисовна ОТ ШКОЛЫ ПЮТТЕРА ДО ДЕ БОНАЛЬДА: ГЕНЕЗИС КОНСЕРВАТИВНОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ // Пролог: журнал о праве. 2021. №2 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-shkoly-pyuttera-do-de-bonalda-genezis-konservativnoy-politiko-pravovoy-mysli> (дата обращения: 06.06.2022).

когда классический либерализм в духе Дж. Локка, Т. Мальтуса, Д. Рикардо и А. Смита все чаще относят к “правому” течению, в силу того что либерализм в широком смысле стал некой нейтральной средой для коммуникации. Как правило сторонники консервативной революции критически высказываются о других представителях консерватизма, но еще более критично они настроены и к либеральным течениям в политике в целом. Они занимают особую критическую позицию, как по отношению к либерализму классическому, так и современному, из которой видят возможным возвращение к “вечным” ценностям. Так в пику консерватизму поступательному, рождается консерватизм революционный, который отсылает нас к ценностям Древней Греции, Рима периода расцвета и Средневековья, и защищает ценности фундаментальные. Он находится рядом с традиционализмом и перенниализмом.

Понятия либерализма и консерватизма являются условными в исторической ретроспективе. К либералам можно отнести как ранних националистов, например французских парламентариев периода свержения французской монархии, так и американских отцов основателей, которые выступали против влияния Британии. Пожалуй, лакмусовой бумагой может послужить отношение того или иного мыслителя к Французской буржуазной революции и ее последствиям, где либералами будут считаться те, кто положительно оценивает ее итоги. Хотя сейчас в стан консерваторов преимущественно относят тех, кто выступает за свободный рынок, низкие налоги, и свободное ношение оружия. Что примечательно, в XIX веке за право свободного ношения оружия активно высказывался К. Маркс и до 1918 года В. Ленин. Оба эти мыслителя комплиментарно отзывались о второй поправке конституции США, вместе с этим их нельзя назвать мыслителями консервативного толка. Сейчас же эта позиция считается консервативной. Таким образом мы видим, что понятия правый и левый, консерватор и либерал являются переменными. Можно придерживаться ригидной позиции и относить к консерваторам тех, кто выступал против Французской

революции или ее итогов, как то Э. Бёрк и Ж. де Местр, но на сегодняшний день эта демаркация не является актуальной, потому что если мы полагаем что консерватор должен выступать за аристократию или монархию как форму устройства общества, то большинство современных консерваторов просто более не смогут себя таковыми маркировать, так как подавляющее большинство консерваторов сегодня активно выступают за республиканизм. Следует принять за данность текущую дискурсивную флуктуацию, когда человек выступающий за демократическую республику считается правым и консерватором. Так же необходимо осветить характерные черты современного либерализма. Прежде всего важно отношение современных либералов к такой незыблемой ценности классического либерализма, как свобода слова. Вольтер писал “Я могу быть не согласен с человеком, но я готов отдать жизнь за его право высказывать свое мнение” – это яркий пример ценности классического либерализма, в то время как неолибералы понимают под свободой слова возможность озвучивать только леволиберальные взгляды и очень активно противодействуют своим оппонентам в их возможность. Культура отмены широко простерлась по демократическим западным странам и глубоко въелась в их социальные институты, а появление современных технологий позволяет сделать деплатформинг максимально быстрым и надежно изолирующим субъекта, будь то физическое лицо или целая кампания. Проведя краткий обзор либерализма и консерватизма в исторической перспективе, далее следует пояснить нюансы видения термина консервативная революция Э. Бёрком, как одного из основоположников этого течения. Интересно, что этимология слова революция сделала причудливый поворот, ведь изначально понятие использовалось для отсылки к гипотезе об обороте Земли вокруг Солнца, изложенной Иоганном Кеплером. Известный ученый является ярким примером того, что науку двигают люди с совершенно разными, подчас хаотично подобранными мотивациями. И. Кеплер был оккультистом, солнцепоклонником и занимался астрологией для заработка. До того как он

доработал эксцентричную по меркам ученых того времени модель Коперника подразумевающую движение небесных светил вокруг Солнца, Птолемея модель с эпициклами имела более высокую предсказательную способность. Часто, когда говорят о коперниканской революции, полагают что слово революция употребляется метафорически, смотря на это ретроспективно и автоматически вкладывая современный смысл в данное слово. Например, говорят о революции В. И. Ленина, Робеспьера и так далее, имея в виду, что они совершили революцию социальную и политическую, подобно той, что сделал Кеплер в астрономии. На самом же деле революцией Коперник, а за ним Кеплер и его последователи называли буквально один оборот Земли вокруг Солнца. Проводя аналогию с яркостью этого астрономического открытия, в обыденном языке это слово используется для описания социально-политических перемен. Эдмунд Бёрк отсылает нас к этому пониманию слова революция, говоря, что настоящая революция есть возвращение в исходное состояние, но здесь он конечно имеет в виду революцию в социальном контексте. В таком ключе, революция будет значить откат ко времени, когда не были произведены те или иные опасные для общества реформы. Консервативная революция нужна для того чтобы все откатить назад, как бы сделать оборот и встать на исходное положение. Поэтому по Э. Бёрку попытка движения к светлому будущему есть неправильная революция, как то была Французская буржуазная революция, а примером правильной революции он считал Славную революцию в Англии. Сам Бёрк давал следующее определение консерватизму – это движение против разума в политике, где под разумом он подразумевал умозрительные схемы устройства общества “на самом деле”, проэцирующие этот план в далекое будущее. Он призывал пользоваться тем, что уже есть и уже работает, либо тем, что работало раньше. Вообще с точки зрения Э. Бёрка у человека есть единственное естественное право – право на наследство, а все остальные права могут так же перейти по наследству в виде привилегий.

Сегодня, конечно, тезисы Э. Бёрка, Ж. де Местра могут звучать несколько наивно, но это не умаляет остроту их интуиции, вооружившись которой мыслители XX века продолжили исследование этого направления, среди них следует отметить О. Шпенглера Э. Юнгера, К. Шмитта, , как наиболее повлиявших на дальнейшую философию.

Необходимо отметить, что работы Шпенглера были исследованы и подвергнуты скепсису почти всеми основными интеллектуалами так называемых новых правых и идентаристов, включая А. де Бенуа, Д. Веннера, П. Кребса, Г. Фая, Ж. Фройнда и Т. Сунича. Взгляд новых правых необычен, но в чем-то отсылает к революционно-консервативной критике М. ван ден Брука и Х. Фрейера. Хотя критика «Новых правых» больше нацелена на искоренение реифицированного понятия прогресса, а так же линейного понимания движения истории в целом. А. де Бенуа писал, что «...главный упрек, направленный на Шпенглера, очевидно, относится к его «фатализму» и к его «детерминизму». Вопрос в том, чтобы знать, до какой степени человек является пленником своей собственной истории. До какого момента человек больше не может менять свой курс?»<sup>2</sup>

Движение “Новых правых” отличается от правых, от левых, а так же от всех других идеологических и метаполитических версий политических платформ, существующих сегодня. В 1979 году появляется движение Nouvelle Droite, в рамках интеллектуального ансамбля ассоциаций и изданий GREACE (Groupement de recherche et d'études pour la civilization europeenne), занимающегося культурными исследованиями. Ошибочно полагать что новые правые формируются реакционно в ответ на события мая 1968 года, так как GREACE создается еще зимой 1967-1968 года. Было бы правильней назвать это движение реакцией на интеллектуальный кризис Франции того времени. Новые правые видят Европу и Запад как два антагонистических

---

• <sup>2</sup> Бенуа А. Традиция и консервативная мысль / Пер. с фр. А. Игнатьева. — М.: Тотенбург, 2017. — 186 с.

образования. Согласно этой новой культурной философии, подлинная европейская культура представлена многочисленными традициями, уходящими корнями в самые древние европейские культуры, и должна быть представлена как несовместимая с современным «Западом», который является культурной эманацией раннего современного либерализма, эгалитаризма и индивидуализма.

Само количество критических монографий, пытающихся поставить под сомнение целостность консервативной революции или же просто деконструировать термин, говорит в пользу его высокого эвристического значения<sup>3</sup>. Современная политическая обстановка западных стран в основном представляет из себя следующие идеологические агрегации<sup>4</sup> (включая или исключая некоторые виды, в зависимости от генезиса политической жизни страны): классические либералы, левые либералы (они же социальные либералы), крайне левые (внутри есть так же много мелких маргинальных дроблений: stand point феминизм, радфем, SJW, инстерсекциональный феминизм, разные виды анархизма и так далее), консерваторы (по типу США или Германии, то есть скорее социал демократы), религиозные консерваторы (преимущественно католики и мусульмане), крайне правые (сюда традиционно относят фашистов и националистов, под последним часто имеют в виду людей с ксенофобными настроениями, национализм же изначально имел либеральный характер и ставил целью построение гражданской нации, не обязательно этнически гомогенной). Если мы зададимся целью отнести движение консервативной революции к одному из перечисленных видов политического дискурса массово представленного в западных странах на сегодняшний день, то мы испытаем затруднение. То, о чем писали мыслители консервативной революции нельзя унифицировать, сделав

---

<sup>3</sup> Терехов О.Э. Феномен «консервативной революции» в историографии ФРГ : основные концепции и проблемы интерпретации. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2011. 192 с.

<sup>4</sup> Штефан Бройер, самый влиятельный критик ЧР как целостного течения, в конце концов, не мог не использовать этот термин сам и включил его в число наиболее удачных изобретений новейшей истории идей [5, 1].

единообразной системой взглядов, но попробуем наметить общие тенденции: контрреволюционность, контрпрогрессивизм, контрпросвещенчество, а также скепсис по отношению к эгалитарным тенденциям и умозрительным социальным концепциям, стремление к локальному, традиционному и коренному, то есть устоявшемуся в практике. Вот то, что имеет малое освещение в глобальном информационном поле и не ротируется в СМИ, вот то, что готово себя противополжить современным политическим парадигмам и практикам на уровне целых социальных институтов. Наблюдая застой современной политической мысли, недостаток ярких, осмысленных новых политических программ, а вместе с тем отсутствие представленности целого пласта интеллектуального политического нарратива в общем дискурсе свидетельствует об острой необходимости ревизии таких исследований. Консервативная революция выгодно отличается от других сегодня массово не представленных политических течений богатой академической традицией и опытом коренного изменения парадигмы той области в которой она находится.

#### **Степень разработанности проблемы исследования.**

Плеяда авторов прошлого по праву занимает основополагающее место в подготовке почвы для появления консервативной революции как полноправного интеллектуального движения. Самые яркие из них это: Э. Бёрк, Ж. де Местр. Позднее в топике, которую мы сегодня можем назвать консервативной революцией писали: О. Шпенглер, Э. Юнгер, К. Шмитт, А. Мёллер, Х. Фрайер, Ю. Эвола, К. Хаусхофер, Р. Керк, М. Оукшотт, Г. Моргентхау, Э. Дж. Грегор, А. де Бенуа, Д. Веннер, П. Кребс, Г. Фай, Ж. Фройнд, Т. Сунич. Теоретической базой при написании данной работы послужили труды следующих исследователей: Роберт Стейкерс, М. А. Гузикова, Пол Готфрид, Сэм Френсис, Мел Бредфорд, Роджер Гриффин, Герман Хеллер и Этьен Балибар

**Объект исследования** - феномен консервативной революции в XX и начале XXI века в их соотношении с реальными политическими практиками

**Предмет исследования** - идеи мыслителей консервативной революции и их идеологическое влияние на интеллектуальное движение новых правых в XXI веке

**Цель исследования** - эксплицитно осмыслить суть идей мыслителей консервативной революции как платформы для новых правых, выделение ее отличительных черт и показ глубинных социологических причин данного политического феномена.

**Задачи исследования:**

- определить идеологические основы консервативной революции;
- рассмотреть консервативные идеи в работах Э. Бёрка, О. Шпенглера, Ф. Ницше, К. Шмитта и др.;
- выделить Наследие идей консервативной революции у “Новых правых” и их политические практики современности
- провести анализ “Новых правых” и их политический опыт в современной Америке
- определить возможности реализации идеи консервативной революции в современном мире
- дать оценку авторитарному либерализму в современной Европе
- обозначить перспективы политической практики идей консервативной революции сегодня

**Основная гипотеза исследования** состоит в том, что политическо – социальные кризисы, которые происходят в современном мире, рассмотренные через призму идей консервативной революции, а так же ее наследников в виде движения новых правых могут получить полезный эвристический и методологический подход, качественно отличающийся от господствующих сегодня парадигм либерализма и консерватизма.

**Методы исследования:** исторический, компаративистский, политологический и дискриптивно- аналитические методы.

**Структура исследования.** Исследование включает введение, три главы, заключение, список использованных источников.

## **Глава 1 Идеологические основы консервативной революции**

### **1.1 Предтечи правового консерватизма**

Говоря о зарождении консервативной мысли, следует упомянуть Гёттингенскую традицию, по сути зародившуюся в дискуссии Антона Тибо и Фридриха фон Савиньи, а в дальнейшем развитой Иоганном Пюттером, профессором Гёттингенского университета, занимавшемся германской имперской конституцией. Им был совершен прорыв в правовой парадигме того времени. Однако, размышление о основаниях естественного права как концепта было начато Густавом фон Гуго, работавшим под началом И. Пюттера. Профессор Г. фон Гуго ставил под сомнение теорию общественного договора, считая ее несостоятельной.

Дело в том что правоведение на западе Европы до конца XVII века представляло из себя в основном добавления к томам Римского права и их избранным сборникам с каноническим правом, но в XVIII веке правоведение впитывает идеи Вольфианской философской школы. Профессор И. Пюттер и его студенты изучали работы немецкого математика Готфрида Лейбница, сделавшим право более формализованной и нормативной дисциплиной и французского правоведа Шарля де Монтескье. Г. Лейбниц выдвинул идею, которую позднее поддержит и И. Пюттер, а именно необходимость разделять устаревшие части права от актуальных. И. Пюттер так же туда добавит комментарий, подчерпнутый из работ Ш. Монтескье – важности исследования генезиса той или иной системы законов в историческом контексте.

Так И. Пюттер в 1767 году начинает критику нерушимой как казалось идеологии естественных прав, говоря о важности сравнения отличных друг от друга систем позитивного права. Свои требования пересмотра правовой системы профессор излагает в 1767 году в статье в энциклопедии права, в первую очередь подчеркивая то, что универсальной системы права существовать не может, хотя это не значит, что разные правовые системы народов не могут быть взаимно полезны. И. Пюттер полагал, что полное

осмысление права возможно через изучение историографии права, при том через совместное изучение как историю конкретного государства, так и истории его отдельных институтов. В правовой школе в Гёттингене у профессора появляется целая плеяда учеников, но важной фигурой является будущий основатель немецкой школы права Густав фон Гуго. Он говорил о необходимости формализации права, изложении юридических дисциплин в строго логическом виде. Будучи еще молодым доктором он начинает выпускать периодическое издание. «Civilistisches Magazin», так называлось издание, выходит с 1790 по 1834 год и часто выпуски начинались с выдержек работ Г. Лейбница и И. Пюттера.

Пожалуй, одной из самых значимых для Г. фон Гуго идей можно назвать тезис о том, что правовые нормы имеют не один источник, и уж тем более законы сами по себе не могут полностью обеспечивать легитимность правовых истин. Он осмысливает Право как соединение закона и философии. Профессор это поясняет через то, что каждый конкретный народ понимал свою собственную правовую систему через призму сложившихся исторических и культурных практик, внутри этого общества. Он акцентирует внимание на том, что эта совокупность определенных социальных практик трансформируется во времени подобно языку, в котором в каждый отдельный момент времени язык наиболее приспособлен к текущим условиям и вместе с этим постоянно претерпевает трансформации. Продолжая эту параллель, он предлагает заниматься правом дескриптивно а не прескриптивно. Г. фон Гуго видит правовую систему в ее естественном виде как некоторую устоявшуюся практику взаимодействия людей друг между другом, достаточно простую чтобы легко быть реплицированной и интуитивно доступной будущим участникам.

## 1.2 Консервативные идеи в трудах Э. Бёрка

Важнейшее место в идеях всех консервативных мыслителей занимает размышление о национальном духе. Занимаясь этой темой, нельзя отмахнуться от призыва к реконструкции и переосмыслению взглядов прошлого, озвученных еще в XVII веке.

Важнейшим и оказавшим самое значимое влияние является Эдмунд Бёрк, британский госслужащий и философ ирландского происхождения. Он написал одну из своих самых значимых работ после событий 1789 года во Франции. Видя угрозу в революционных действиях и либеральных реформах он высказывался за сохранение прежних политических форм.

В юности симпатизировавший идеям Просвещения, Бёрк основывает критику этой философии на том, что присущая ей рациональность полностью вымывает человека, его индивидуальные особенности, оставляя лишь коллектив, социальную группу, которая навязывает всем своим членам битву за некие идеалы равенства. Для него ценность представляют поступательное развитие с опорой на опыт предшествующих исторических событий. Парламентарий полагает что долговечность Британии как государства зиждется на внимательном отношении и развитию тех политических практик что достались им в наследство.

Всеобщее равенство и любые другие эгалитаристские тенденции Бёрк считает утопичными и даже вредными. Он видит возможность создания гармоничного общества, только при наличии в нем иерархии, отводя важное место аристократическим элитам, как группе самых достойных в силу наличия в поколениях сформированного у них чувства чести, достоинства и благодетелей. Опасность демократического устройства он видел в том, что демос превращается в обезличенную, однородную массу, в которой невозможно выделить кого-либо, кто бы выделялся или имел отличные от этого большинства взгляды. Говоря о парламентаризме в Англии, он подчеркивал важность существования класса торговцев, так как полагал, что

конкретное устройство государственного и политического аппарата будет варьироваться от страны к стране.

Сложно недооценить важность идей Бёрка для консервативной мысли, так как, пожалуй, именно он дал мощнейший импульс этому течению. С критикой революционных движений он так же подвергал сомнению меры предлагаемые из либерального лагеря по лечению этой революционной проказы. Эта идея позднее будет по-своему осмыслена итальянским философом Юлиусом Эволой, а еще позднее станет ключевой темой в размышлениях так называемых новых правых (одного из самых ярких феноменов философской политической мысли в Европе и Америке). Следует отметить, критику Бёрка Жан-Жаком Руссо, которая стала характерной чертой многих консервативных мыслителей, так как многие либеральные идеи основывались и отталкивались именно от него. Фразой «национальное банкротство» Бёрк описывает ситуацию невозможности взаимного доверия в обществе после низвержения внутренних столпов, таких как законы, суды и вера.

Конечно, наиболее правильной формой правления Бёрк, как многие другие консерваторы, видит монархию, хотя отмечает, что одинаковой системы для всех государств быть не может. Тут он солидарен с немецким основателем исторической школы права Густавом фон Гуго (1764 - 1844) и немецким юристом и историком Юстусом Мёзером (1720 - 1794) в том, что сохранение локальной идентичности и коренных политических практик является наиболее взвешенным и устойчивым вариантом государственного устройства. Так же можно отметить, что здесь Бёрк говорит о нерушимых законах государственной системы. Он обличает конкретных недалёковидных политических деятелей, критикуя их отдельные решения, а другой консервативный мыслитель, его современник, граф Жозеф де Местр (1753 - 1821), будучи членом иезуитских орденов, трактует это через призму провиденциализма, как скандальное пренебрежение достоинствами, какие только есть в человеке.

### 1.3 Консервативные идеи в работах О. Шпенглера

Одну из самых больших сложностей в исследовании понятия «консервативная революция» представляет определение его места в истории немецкого консерватизма и выделение предпосылок зарождения.

В числе важнейших фигур для «консервативной революции» в рамках Веймарской республики следует выделить Карла Шмитта, Освальда Шпенглера, Артура Мёллера ван ден Брука, Эдгара Юлиуса Юнга, Ханса Фрайера, Эрнста Юнгера.

Освальд Шпенглер к настоящему времени хорошо известен как один из главных мыслителей немецкой консервативной революции начала 20-го века. На самом деле, он часто упоминается как один из наиболее определяющих интеллектуальных влияний на немецкий консерватизм межвоенного периода - наряду с Артуром Мёллером ван ден Бруком и Эрнстом Юнгером.

О. Шпенглер стал значимым идеологом «консервативной революции». Он изложил идеи, ставшие основой политической программы «консервативной революции». Шпенглер полагал, что формы политического и социального устройства определенного народа невозможно эффективно транслировать другим, так как они вписаны в плоть и кровь нации, отражают её суть, являясь природными и врожденными. Он утверждал, что в реальности нация никогда не выбирает определенные формы правления и идеологии. Это все только внешние покровы, а не сущность. То, что запечатлено в конституции, само по себе не имеет никакого значения. В действительности важно только то, что использует из всего этого народный инстинкт.

Народный инстинкт у немцев представляет собой тяготение к социалистическому устройству общества, социализм должен быть в крови народа, его невозможно навязать или привить. Шпенглер заявляет претензию на монополию на социализм: «Мы, немцы, социалисты и были бы ими даже в том случае, если бы о социализме никогда ничего не говорилось. Другие

народы не могут быть социалистами».<sup>5</sup>

Важной для обоснования «прусского социализма» у Шпенглера является идея о том, что немецкий народ - это народ труженик, типичными признаками которого представляются дисциплина и иерархическое соподчинение. «Каждый истинный немец - рабочий. Таков стиль его жизни». <sup>6</sup>Из данной характеристики германцев следует, что последние тяготеют к социализму, так как социализм делается рабочими и для рабочих. Коль скоро любой немец по своей природе труженик-рабочий, то нация рабочих и есть социалистическая нация. Идею Шпенглера о немце как рабочем и социалисте подхватили более молодые представители «консервативной революции», в частности А. Мёллер ван ден Брук и Э. Юнгер.

Согласно Шпенглеру, каждая Высшая Культура имеет свою собственную «душу» (это относится к сущностному характеру Культуры) и проходит через предсказуемые циклы рождения, роста, полного наполнения, упадка и гибели, которые напоминают жизнь растения. Прочитаем Шпенглера:

«Культура рождается в тот момент, когда великая душа пробуждается из протодуховности вечно детского человечества и отделяет себя, форму от бесформенного, ограниченную и смертную вещь от безграничного и непреходящего. Он цветет на почве точно определяемого ландшафта, к которому он остается привязанным. Она умирает, когда душа актуализирует полную сумму своих возможностей в виде народов, языков, догм, искусств, государств, наук и возвращается в протодушу».<sup>7</sup>

В этой теории существует важное различие между культурой («kultur») и цивилизацией («civilisation»). Культура относится к начальной фазе высокой культуры, которая отмечена сельской жизнью, религиозностью, жизненной силой, волей к власти и восходящими инстинктами, в то время

---

<sup>5</sup> Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М., 1993. С. 557

<sup>6</sup> Там же. С. 495.

<sup>7</sup> Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт // Тотальная мобилизация. О боли / пер. с нем. А.В. Михайловского; под ред. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2000. 539 с.

как цивилизация относится к более поздней фазе, которая отмечена урбанизацией, безрелигиозностью, чисто рациональным интеллектом, механизированной жизнью и декадансом. Хотя он признавал другие высокие культуры, Шпенглер сосредоточился, в частности, на двух высоких культурах, которые он различал и сравнивал: классическую (греко-римскую) и нынешнюю западную культуру. Он придерживался мнения, что Запад, который находился в своей более поздней фазе цивилизации, скоро вступит в заключительную империалистическую и «цезаристскую» стадию - стадию, которая, по словам Шпенглера, знаменует собой последнюю вспышку перед концом высокой культуры.

Однако, возможно, самым важным вкладом Шпенглера в консервативную революцию была его теория «прусского социализма», которая утверждала, что консерваторы и социалисты должны объединиться. В своей работе он утверждал, что прусский характер, который был немецким характером *par excellence*, был по существу социалистическим. Для Шпенглера истинный социализм был прежде всего вопросом этики, а не экономики. Этот этический, прусский социализм означал развитие и практику трудовой этики, учености, послушания, чувства долга перед большим благом и государством, самопожертвования и возможности достижения любого звания талантом. Прусский социализм отличался от марксизма и либерализма. Марксизм, по Шпенглеру, не был истинным социализмом, потому что он был материалистическим и основывался на классовом конфликте, который противоречил прусской этике государства. В отличие от прусского социализма либерализм и капитализм, отрицали идею долга, практиковали «принцип пиратства» и создавали господство денег.<sup>8</sup>

Теории Освальда Шпенглера о предсказуемых культурных циклах, о разделении между культурой и цивилизацией, о западной высокой культуре как находящейся в состоянии упадка и о немарксистской форме социализма, – все это привлекло большое внимание в Германии начала 20-го века, и нет

---

<sup>8</sup> Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М., 2002. С. 7.

никаких сомнений, что они повлияло на интеллектуальную правовую мысль в то время. По иронии судьбы, те, на кого больше всего повлиял Шпенглер - не только немецкие мыслители консервативной революции, но и более поздние традиционалисты и новые правые. Необходимо подчеркнуть: большинство консервативных интеллектуалов, оценивают философию Шпенглера критически.

Наиболее важной критикой Шпенглера среди мыслителей консервативной революции и интеллектуалов того времени была критика Артура Мёллера ван ден Брука.<sup>9</sup> Он согласился с некоторыми основными идеями в работах Шпенглера, включая разделение между культурой и цивилизацией, с идеей упадка западной культуры и с его концепцией социализма, которую Мёллер уже выразил в более ранней и несколько иной форме в *Der Preussische Stil*.<sup>10</sup> Однако Мёллер решительно отверг детерминистский и фаталистический взгляд Шпенглера на историю, а также представление о предначертанных культурных циклах. Мёллер утверждал, что история по существу непредсказуема и нефиксирована: «Всегда есть начало (...) История – это история того, что не просчитано». <sup>11</sup> Кроме того, он утверждал, что историю следует рассматривать не как «круг» (в стиле Шпенглера), а скорее как «спираль», и нация, находящаяся в упадке, может фактически обратить вспять свой упадок, если в ней могут произойти определенные психологические изменения и события.<sup>12</sup>

Наиболее силовым расхождением с Шпенглером у Мёллера ван ден Брука, было отрицание культурной морфологии Шпенглера, поскольку Мёллер считал, что Германию даже нельзя классифицировать как часть «Запада», а скорее то, что она представляет собой отдельную культуру в

---

<sup>9</sup> Маас С. Борец за Третий рейх Артур Мёллер ван ден Брук / сокращ. пер. с нем. с предисл. А. де Бенуа. Киль: Регин-Ферлаг, 2010. Т. 2. 132 с.

<sup>10</sup> Мёллер ван ден Брук А. Третья империя // А. Мёллер ван ден Брук, А. Васильченко. Миф о вечной империи и Третий рейх. М., 2009. 27с.

<sup>11</sup> Мёллер ван ден Брук А. Третья империя // А. Мёллер ван ден Брук, А. Васильченко. Миф о вечной империи и Третий рейх. М., 2009. 79 с.

<sup>12</sup> Мёллер ван ден Брук А. Третий рейх // Полис. Политические исследования. 2003. № 5. С. 118-134.

своем собственном праве, которая даже имела больше общего по духу с Россией, чем с «Западом», и которому суждено было подняться, в то время как Франция и Англия пали. Однако здесь мы должны отметить, что представление о том, что Германия не является западной, не было уникальным для Мёллера, поскольку Вернер Зомбарт, Эдгар Юлиус Юнг и Отмар Шпанн утверждали, что немцы принадлежали к совершенно иному культурному типу, чем у западных наций. Для этих авторов Германия представляла культуру, которая была более ориентирована на коллективизм, духовность и героизм, в то время как современный «Запад» был более ориентирован на индивидуализм, материализм и капиталистическую этику. Они также утверждали, что любое присутствие западных характеристик в современной Германии было связано с недавним отравлением Германской культуры Западом, который немецкий народ был обязан преодолеть с помощью социокультурной революции.

Другой ключевой интеллектуал немецкой консервативной революции, Ганс Фрайер, также представил критический анализ шпенглеровской философии. Исходя из своего мнения о том, что в истории нет определенного прогресса, Фрейер согласился линейным взглядом на прогресс. Философия культуры Фрейера также подчеркивала культурный партикуляризм и несоответствие между народами и культурами, поэтому он согласился со Шпенглером, с основной концепции культур, обладающих жизненно важным центром, и с идеей каждой культуры, обозначающей определенный вид человека. Будучи сторонником общинно-ориентированного государственного социализма, Фрейер считал антииндивидуалистический «пруссский социализм» Шпенглера верным. На протяжении всех своих работ Фрейер также обсуждал многие из тех же тем, что и Шпенглер, включая интегративную функцию войны, иерархии в обществе, проблемы технологического развития, культурную форму и единство, но в четкой

манере, ориентированной на социальную теорию.<sup>13</sup>

Однако Фрейер утверждал, что идея исторических (культурных) типов и то, что культуры являются продуктом сущности, которая росла с течением времени, что они были готовы выразиться в разных формах задолго до Шпенглера в работах Карла Лампрехта, Вильгельма Дильтея и Гегеля. Примечательно также, что собственная социология культурных категорий Фрейера отличалась от морфологии Шпенглера. В своих ранних работах Фрейер рассматривал прежде всего природу культур отдельных народов (Фёлькер), а не широкие высокие культуры, тогда как в своих более поздних работах он подчеркивал взаимосвязь всех различных европейских культур на протяжении тысячелетий. Отвергая представление Шпенглера о культурах как о несоизмеримых, «история Фрейера рассматривала современную Европу как состоящую из «слоев» культуры из прошлого, и Фрейер изо всех сил пытался показать, что основные исторические культуры выросли, опираясь на наследие прошлых культур».<sup>14</sup> Наконец, отвергая исторический детерминизм Шпенглера, Фрейер «предупреждал своих читателей, чтобы они не попадали в ловушку мощных органических метафор книги (*Der Untergang des Abendlandes*)... Требования настоящего и будущего не могли быть «выведены» из понимания моделей культуры... но в конечном счете были основаны на «ставке действия» (*das Wagnis der Tat*).

Еще одна важная консервативная критика Шпенглера была написана итальянским философом традиционалистом Юлиусом Эволой, который сам находился под влиянием идей консервативной революции, но развил собственную, очень оригинальную линию философской мысли. В своей книге «Путь киновари» Эвола высоко оценил философию Шпенглера, особенно в отношении критики современного рационалиста и механизированной цивилизации «Запада» и полного отказа от идеи прогресса. Некоторые

---

<sup>13</sup> Мёллер ван ден Брук А. Третий рейх // Полис. Политические исследования. 2003. № 5. С. 118-134.

<sup>14</sup> Мёллер ван ден Брук А. Третий рейх // Полис. Политические исследования. 2003. № 5. С. 118-134.

ученые, такие как Х.Т. Хансен, подчеркивают влияние мысли Шпенглера на мысль Эвола, но важно помнить, что культурные взгляды Эвола значительно отличались от взглядов Шпенглера из-за сосредоточенности Эвола на том, что он считал меняющейся ролью метафизической Вечной Традиции на протяжении всей истории, в отличие от исторически определенных культур.

В своей критике Эвола указывал, что одним из главных недостатков мысли Шпенглера было то, что ему «не хватало какого-либо понимания метафизики и трансцендентности, которые воплощают сущность каждой подлинной культуры». Шпенглер мог очень хорошо анализировать природу цивилизации, но его нерелигиозные взгляды заставляли его слабо понимать высшие духовные силы, глубоко влияющие на человеческую жизнь и природу культур, без которых невозможно ясно понять определяющую характеристику культуры. Как отметил Роберт Стейкерс, Эвола также считает, что анализ классической и восточной культур Шпенглером очень несовершенен, особенно в результате «иррационалистического» философского влияния на Шпенглера: «Эвола считает, что этот витализм заставляет Шпенглера говорить «вещи, которые заставляют краснеть» о буддизме. Даосизм, стоицизм и греко-римская цивилизация (которая для Шпенглера является просто цивилизацией «телесности»)). Также проблематичным для Эвола была «валоризация Шпенглером «фаустовского человека», фигуры, рожденной в эпоху Великих географических открытий и Ренессанса; благодаря этой временной решимости фаустовский человек движется к горизонтальности, а не к вертикальности». <sup>15</sup>

Наконец, мы должны отметить более недавнее восприятие шпенглеровской философии и европейских новых правых и идентариизме: работы Шпенглера были изучены и подвергнуты критике почти всеми основными интеллектуалами новых правых и идентаристов, включая Алена

---

<sup>15</sup> Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт // Тотальная мобилизация. О боли / пер. с нем. А.В. Михайловского; под ред. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2000. 539 с.

де Бенуа, Доминика Веннера, Пьера Кребса, Гийома Фая, Жюльена Фройнда и Томислава Сунича. Взгляд «новых правых» на теорию Шпенглера уникальна, но также очень напоминает революционно-консервативную критику Мёллера ван ден Брука и Ханса Фрейера. Подобно Шпенглеру и многим другим мыслителям, интеллектуалы «новых правых» также критикуют «идеологию прогресса», хотя важно, что, в отличие от Шпенглера, они делают это не для того, чтобы принять понятие жестких циклов в истории или отвергнуть существование какого-либо прогресса. Скорее, критика «Новых правых» направлена на то, чтобы отвергнуть несбалансированное понятие линейного и неизбежного прогресса, которое обесценивает всю прошлую культуру в пользу настоящего, в то же время признавая, что некоторый позитивный прогресс действительно существует, который она выступает за примирение с традиционной культурой для достижения более сбалансированного культурного порядка. Кроме того, обращаясь к историческому детерминизму Шпенглера, Ален де Бенуа писал, что «от Эдуарда Шпранже до Теодора В. Адорно главный упрек, направленный на Шпенглера, очевидно, относится к его «фатализму» и к его «детерминизму». Вопрос в том, чтобы знать, до какой степени человек является пленником своей собственной истории. До какого момента человек больше не может менять свой курс?»

«Новые правые» отвергают любое фаталистское и детерминистское представление об истории и не верят, что какой-либо народ обречен на неизбежный упадок; «Поэтому декаданс не является неизбежным явлением, как ошибочно думал Шпенглер», — писал Пьер Кребс, вторя мыслям других авторов. В то время как новые правые принимают идею Шпенглера об упадке Запада, они позиционируют Европу и Запад как два антагонистических образования. Они полагают, что истинная европейская культура представлена разными локальными культурными идентичностями, начало которых глубоко погружено в давнюю европейскую традицию. Новые правые видят ее несовместимой с современным «Западом», который ими

видится как воплощение современного либерализма, а так же порочных эгалитарных и индивидуалистических течений.

Новые правые могут согласиться со Шпенглером в том, что «Запад» переживает упадок, «но этот первоначальный пессимизм не затмевает цель Правых: Запад столкнулся с конечной фазой упадка, следовательно, мы должны окончательно порвать с западной цивилизацией и восстановить память о Европе, освобожденной от эгалитаризма». Таким образом, с идентаристской точки зрения «Запад» идентифицируется как глобалистское и универсалистское образование, которое нанесло ущерб идентичности как европейских, так и неевропейских народов. Точно так же, как мыслители консервативной революции призывали немцев отстаивать права и идентичность своего народа в свой период времени, новые правые призывают к преодолению либеральной, космополитической западной цивилизации, чтобы вновь утвердить более глубокую культурную и духовную идентичность европейцев, основанную на «возрождении истории» и ссылке на их многообразное и тысячелетнее наследие.

#### **1.4 Влияние идей Ф. Ницше на мыслителей консервативной революции**

Из интеллектуальных явлений и социальных течений, которые считают Фридриха Ницше одним из своих предшественников, Консервативная революция занимает уникальное место в качестве руководства для всестороннего перевода его философских лейтмотивов в различные концепции в области философии истории, антропологии и философии субъекта, политической философии, включая цивилизационный анализ, этнографию и геополитику, философию культуры, философию религии и даже философию технологии.

По словам швейцарско-немецкого историка Армина Молера, который ввел эту формулу в исследование «Консервативная революция в Германии: 1918-1932» для описания интеллектуальной среды, враждебной «идеям 1789

года», консервативная революция, как культурное и политическое течение, сформировалась в межвоенной Германии, но ее концептуальная значимость выходит за рамки этих временных и географических границ.

Стало обычным делом утверждать, что политические амбиции этого движения, независимо от осязаемой ответственности за распад Веймарской республики, закончились в 1933 году и, таким образом, никогда не были полностью реализованы на практике. Однако описательное значение монографии Молера позволило исследователям рассмотреть даже такой отдаленный во времени и пространстве исторический феномен, как Реставрация Мэйдзи в Японии, также рассматриваемый как японский вариант «модернизации без вестернизации», начавшийся в 1868 году. Столкнувшись с этим широким историографическим запросом, можно перефразировать Вольтера, сказав, что даже если бы не было немецкой консервативной революции, она должна была быть изобретена.

Тем не менее, эти консервативно-революционные принципы никогда бы не были закреплены и применены к более широкому кругу исторических тенденций, если бы Фридрих Ницше, как признанный «крестный отец» движения, не заявил о продолжающемся упадке в западной части мира. Его рассуждения о европейском кризисе в культурных, геополитических и институциональных терминах соответствуют различным концептуальным ответам на это условие ключевых консервативно-революционных мыслителей 20-го века (Освальд Шпенглер «упадок Запада», «пруссский социализм» и «цезаризм», Артур Мёллер ван ден Брук «Новый консерватизм / новый социализм», «молодые нации» и «Третья империя» Карла Шмитта, а так же геополитика больших пространств Карла Шмитта как «плюриверсум», «героический реализм», «новый национализм» и «Соединенные Штаты Европы» Эрнста Юнгера, «творческое разрушение» в экономике Вернера Зомбарта, «дионисийский» экспрессионизм и искусство «после нигилизма» Готфрида Бенна и т. д.). Однако какими бы они все были, если бы не метафизическая основа европейской «болезни», диагностированной Ницше

как распространение пустыни нигилизма.<sup>16</sup>

Наблюдая за потрясениями, принесенными Первой мировой войной, теоретики, исследователи и «попутчики» консервативно-революционного движения, прежде всего, Эрнст и Фридрих Георг Юнгер, Армин Молер, предложили наиболее исчерпывающую философскую интерпретацию ницшеанства как части дискуссии о новом или «втором начале» западной метафизики, по крайней мере, о перспективах преодоления нигилизма, тем самым бросая вызов буквальному недостойному тезису о «конце философии». Другими словами, это в значительной степени показывает, что связь между «теорией» и «практикой», проистекающая из современности, не обязательно опосредована идеологией.

Вместо того, чтобы объяснять *obscurum per obscurius* (ницшеанство через консервативную революция и наоборот), мы стремимся рассмотреть метафизические и практические выводы, сделанные консервативно-революционным движением из ключевой концепции Ницше о переоценке всех ценностей, тем самым предлагая эвристический выход из длительной «битвы за Ницше» между левыми и правыми.

Межвоенное немецкое движение, которое всегда избегало строгих определений, обязано своей репутацией «идеократического», «метаполитического», «ни правого, ни левого» Третьего пути именно тому, чтобы охватить ницшеанство как средство веберовского «повторного очарования мира». Действительно, в социальных и гуманитарных науках не успел Ницше выдвинуть событие «смерти бога», что идеологические и, в основном, чисто современные недоумения левых и правых стали низкоприоритетными по сравнению с трансисторическим (эпохальным) взаимодействием модернизма и антимодернизма, шире, прогрессивным и

---

<sup>16</sup> Излишне говорить, что историков философии интересуют метафизические, а не строго социальные аспекты ЧР, которые в противном случае были бы добавлены.essed в этом исследовании в торе детали. В этом отношении виталистский ницшеанизм в межвоенной политической журналистике Юнгера менее важен для этого исследования, чем его переосмысление активного нигилизма Ницше как титанизм и философско-историческая изощренность "переоценка" всех ценностей».

регрессивным вектором. Последние были частично схвачены производными интуициями реакционного модернизма, органологического супермодерна, археофутуризма и так далее в отношении вдохновленного Ницше феномена консервативной революции.<sup>17</sup>

Вполне справедливо, что большинство консервативно-революционных исследований, проливающих свет на альтернативу периодизации классической триады («премодерн-модерн-постмодерн»), посвящены именно творчеству Эрнста Юнгера как убежденного последователя Ницше и, по словам его давнего секретаря Армина Молера, самого представительного теоретика консервативной революции. Именно его творчество является ярчайшим примером альтернативы просветительскому проекту модернизации и широко известно своей футуристической и даже прогностической ценностью. Драматические неудачные попытки Молера вернуть Юнгера в политику и заставить его возглавить конец послевоенного немецкого поколения красноречиво совпали с растущим вниманием Юнгера к метафизической революции в истории Запада, за которой последовала тематическая полемика с Хайдеггером в 50-х годах.

За последние более чем полвека с тех пор, как вышло классическое исследование Молера (1950), в этой области был достигнут небольшой прогресс. Точнее, существует достаточно литературы, посвященной сложности социальных идей Ницше и их месту во всем его творчестве; дело в том, что ницше-дебаты давно достигли такого уровня интенсивности, что конфликт интерпретаций разворачивается между узнаваемыми гуманитарными парадигмами, школами и традициями, а не ломает прочтение его отношения к определенным «-измам». Другими словами, сегодня существует соперничество между основными представлениями о том, что такое ницшеанизм: эмансипация или воля к власти, декаданс или витализм, традиция или революция и т. д.

---

<sup>17</sup> Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт // Тотальная мобилизация. О боли / пер. с нем. А.В. Михайловского; под ред. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2000. 539 с.

Исследование корпуса и биографии Ницше<sup>18</sup> ведущего специалиста по ницшеанству Тараса Люти, которое предлагает исчерпывающий обзор приема Ницше в Германии, включая вклад Юнгера и Хайдеггера. Примечательно, что в 2016 году в Германии состоялся ежегодный коллоквиум Ницше под названием «Ницше и консервативная революция», который предлагает искомый сбалансированный отчет о ницшеанстве за пределами крайностей идеологического редуционизма и просто эстетизма. Проведенный под эгидой Веймарского фонда классика и Комментария Ницше Гейдельбергской академии наук во главе с профессором Андреасом Урсом Зоммером, он стал широким междисциплинарным мероприятием, которое подчеркнуло экзегезу Ницше такими разнообразными консервативно-революционными авторами и связанными с ними фигурами, как Освальд Шпенглер, Мартин Хайдеггер, Эрнст Юнгер, Карл Шмитт, Артур Мёллер ван ден Брук, Эрнст Никиш, Армин Молер, Гуго фон Гофмансталь и другие.

Политизация термина «консервативная революция» благодаря Эдгару Юлиусу Юнгу (1932), советнику и спичрайтеру фон Папена, достигла своего пика в «политической теологии» рейховского «коронного адвоката» Шмитта, поначалу также доверенного лица фон Папена и генерала Курта вон Шлейхера, последнего канцлера Веймарской Германии, первоначально стремящегося укротить диктатуру внутри Германии в рамках более «прусской» государственной модели.

Достаточно обстоятельно и глубоко темы, поднятые течением консервативной революции разработал Э. Юнгер. Он унаследовал антилиберальный и антидемократический настрой Шпенглера. Разрабатывая свой проект тотальной мобилизации общества и диктатуры рабочего. «Господство, то есть преодоление анархических пространств посредством нового порядка, возможно сегодня только как репрезентация гештальта

---

<sup>18</sup> См. «Исторический словарь ницшеанства» [6].

рабочего, выдвигающего притязание на планетарную значимость», заявлял Юнгер в 1932 г. Как отмечает М.А. Гузикова, «основные мотивы, конституирующие юнгеровскую философию “тотальной мобилизации”, - это война, техника и отрицание ценностей Просвещения: рационализма и персонализма, кульминирующая в отрицании бюргерского миропорядка».

Юнгеру этого периода представляется картина тотального государства с харизматическим вождем во главе, причем германцам подчиняются прочие нации так как государство выходит далеко за рамки своего народа, охватывая огромные просторы, превращаясь в империю.

Ранний Юнгер, размышляя о необратимых изменениях, принесенных первой «промышленной» войной 1914 - 1918 годов, развил редкие положительные замечания о социализме и рабочем движении в работе Ницше «Воля к власти». По его мнению, рабочие должны научиться чувствовать себя солдатами и получать гонорары вместо оплаты. Их возглавит аскетическая каста, концентрирующая силу власти. В третьем разделе (1880) «Человек, слишком человек» Ницше ссылался на машинную аналогию для войны и централизованной партийной политики. Юнгер развил оба мотива в «Рабочем», призывая рабочих чувствовать<sup>19</sup> себя хозяевами и новой фронтовой аристократией, претендующей на планетарное господство.

Поздний Юнгер становится более пессимистичным в отношении близости ожидаемого метафизического перехода: согласно прогнозу из «Изменения гештальта. Прогноз на XXI век» (1993), опираясь на поэму Холдерлина «Хлеб и вино», титаны будут царствовать на протяжении всего XXI века, тогда как боги вернутся только после новой титаномахии, предвещающей окончательный конец антропоцентрической истории. Обещанное Иоакимом Фиоре «одухотворение» вновь упоминается Юнгером. Еще одно из его вдохновленных Гёльдерлином убеждений, что человек должен дружить как с богами, так и с «железными», остается без внимания.

Значение ницшеанской конструкции для фундаментальной идеи

---

<sup>19</sup> В "Рабочий», работа понимается как все-всепроницающий образ жизни

«консервативной революции» лучше всего охарактеризовал Томас Манн. В своем труде он указал на пробуждающийся героизм молодого поколения, готового к самопожертвованию.<sup>20</sup> С этой мыслью согласились последовательные мыслители и вкладчики революционной идеи Веймарского периода, а именно Эрнст Юнгер, Эдгар Юлиус Юнг, Карл Шмитт и Вильгельм Штапель. Начало Великой войны дало новый взгляд на эти теории мнения<sup>21</sup>. Это позволило разорвать связи с менталитетом доиндустриальной эпохи и обратиться к новым пылким апостолам молодого поколения. Поэтому среди воинов на полях сражений возникла новая идея защиты Родины и жертвоприношения на войне. Формировали антропологию и философию войны, к которым немецкая молодежь чувствовала призвание. Целью этой борьбы было превращение Германии из пораженной в новую структуру, которая изображена цитатой: «Мы должны были проиграть эту войну, чтобы завоевать Германию»<sup>22</sup>. Более пристальный взгляд на механизмы консервативной революции убеждает, что это был не единственный вариант, который привлек внимание молодежи в Веймарской республике. Однако политическое положение Германии после Версальского договора позволило этой доктрине частично достичь своих идеологических целей. Помимо консервативных революционеров, существовали и радикально-националистические круги, повлиявшие на политическое сознание молодых немцев. По мнению Яэрзи Красуски, консервативная революция дала интеллектуальную основу формированию государства национал-социалистов.<sup>23</sup>

Политические изменения, произошедшие в 1918 в Веймарской республике, привели к проявлению тенденций консервативной революции.

---

<sup>20</sup> Т. Манн, *Betrachtung eines Unpolitischen*, [в:] Верке, Берлин 1918, т. 12, с. 497.

<sup>21</sup> В. Куницкий, *Революция...*, С. 26-27; У. Э. Уильямс, *Versuch einer Definition paramiliärischer Organisationen* в: *Милитаризм*, Кельн 1975, с. 139-151.

<sup>22</sup> Ф. Шаувеккер, *Немецкий аллейн. Schnitt durch die Zeit*, Берлин 1931, с. 162-163 [in:] *Kriegschuld und Propaganda, Deutschland zwischen zwei Weltkriegen*, Л. Фрейзер, Цюрих 1947, с. 31. По словам автора, «легенда о штыке, воткнутом в спину» была создана британским генералом сэром Нилом Малкольмом.

<sup>23</sup> Я. Красуски, *История Жеси Немецкий 1871-1945*, Познань 1978, с. 269; М. Мацевский, *Доктрина...*, С. 10.

По мнению Сэмюэля Пола Хантингтона, консерватизм был характерен для универсальных, неисторических и по существу вневременных индивидуальных абсолютистских режимов<sup>24</sup>. Понимание роли этих агентных факторов сильно зависело от влияния историко-идеологической ценности, которая вытекала из сочетания многочисленных социальных тенденций, растущих из феодально-аристократической, а также клерикальной и монархической фауны. Поэтому, изучая идеи консервативной революции, нельзя игнорировать его конкретное пространственно-временное встраивание.<sup>25</sup> Карл Шмитт, исследователь и один из создателей революционного консерватизма, указал на его скептицизм, прагматизм, принятие решений и социальный консерватизм<sup>26</sup>.

По мнению Юнга, он индуцировал создание нового типа индивидов (*neue Typus Menschen*) и по своей сути несла в себе важнейшие трактовки идентичности немецкого человека (*гештальт*). Он передавал образец «нового поколения людей», представляющих собой сочетание рабочего и солдата. Фигура этого нового человека давала надежду на будущее создание новой Германии, будущей целью которой была мобилизация и другая война. Следовательно, согласно идеалам консервативной революции, этот «новый человек» был предан обществу и государству. Как и многие другие мыслители, Юнг предполагал, что военная мобилизация и война приведут Веймарскую демократию к поворотному моменту, когда страна начнет возвращаться<sup>27</sup>, или, точнее, менять свою внутреннюю политическую

---

<sup>24</sup> См.: С.П. Хантингтон, «Консерватизм как идеология», *The American Political Science Review*, т. 51, 2, 1957; М. Мацеевский, *Доктрина...*, С. 11; А. Вольф-Поу^ска, *Polityczne ifilozoficzne nurty konserwatyzmu w Republice Federalnej Niemiec*, Познань 1984, с. 8; Х.-Г. Шуман, *Консерватория идеологии*, [в:] *Консерватизм*, изд. Х.-Г. Шуман, Кёльн 1974, т. 69, с. 89-90.

<sup>25</sup> Х. Герстенбергер, *Konservatismus in der Weimarer Republik v: Rekonstruktion des Konservatismus*, изд. Г.-К. Кальтенбруннер, Фрайбург, 1977, стр. 332-333; Х. Гребинг, *Консервативная демократия, Консервативная критика и демократии в Федеральной республике в 1945 году*, Франкфурт-на-Майне Главная 1971, с. 34-35; М. Мацеевский, *Доктрина...*, С. 11-13; А. Мохлер, *Консервативная революция в Германии 1918-1932, Grundriss ihrer Weltanschauung*, Штутгарт 1950, с. 9; К. Шмитт, *Политице Романтик*, Лейпциг 1925, с. 31.

<sup>26</sup> с. Виллмс, *Карл Шмитт-Юнгстер Klassiker des politischen Denkens?*, [в:] *Комплексе оппозицио- ром. Юбер Карл Шмитт*, под ред. Х. Куарич, Берлин 1988, с. 595.

<sup>27</sup> Э.Й. Юнг, *Aufstand der Rechten*, [в:] *Немецкий рейх*, Н. 11, Berlin 1931, p. 388.

структуру в ту, которая составляет новую и лучшую постверсальскую Германию. Как думал Юнг, немецкая революция выросла из двух корней: один из которых был консерватизмом, а другой - национализмом (*Die deutsche Revolution kommt aus Zwei Wurzeln: der Konservativen und der Nationalistischen*).<sup>28</sup> Многие молодые немцы искали надежду на лучшее будущее в консервативной революции, так как реализация ее предположений позволила сбросить цепи, которые сковывали нацию в Версале.

Другим важным фактором, повлиявшим на молодых немцев Веймарской республики, был милитаризм. Консерваторы считали, что культ борьбы является национальной драгоценной чертой и основой общественного развития. Война считалась «матерью всего сущего, а также нас самих: война сформировала нас, выковала нас, укоренила нас и сформировала нас такими, какие мы есть».<sup>29</sup> Подчеркивая роль войны, консерваторы считали ее основой существования и обеспечения немцев. Война была разновидностью искусства, национальной морали, роста и функциональности государства<sup>30</sup>. Например, по мнению Шпенглера, война была основой повседневной жизни для каждого немца. Точно так же Инди Шмидт утверждал, что война необходима для поддержания жизни вида. В то же время Э. Юнгер утверждал, что война составляет важнейшую часть человеческого существования, которая заключается в упорстве, а цели борьбы не имеют значения. Что действительно имело значение, так это результат этой борьбы, ибо война — это борьба двух соперников, из которых побеждает только один. С точки зрения молодого немецкого солдата, война была моментом переоценки отдельного человека. Таким образом, милитаризм и культ войны были популярны среди консерватистских революционеров, они рассматривались как путь к реализации героической

---

<sup>28</sup> Э.Й. Юнг, *Sinndeutung der deutschen Revolution*, Ольденбург 1933, с. 10.

<sup>29</sup> Э. Юнгер, *Der Kampf als innere Erlebnis*, Берлин 1926, с. 2.

<sup>30</sup> А. Мартин Героисе *Nihilismus und seine Überwindung*, Ernst Jüngers Weg durch die Kriese, Крефельд 1948, с. 59; Х.-Й. Мауч, *Национальносоциалистическая организация в веймарер Republik, Zur Entwicklung und Ideologie des "Paramilitarismus"*, Франкфурт-на-Майне Главная 1982, с. 97.

личности, храброго солдата. Только через борьбу, мужество личность солдата может быть выкована и наделена наиболее важными чертами, такими как товарищество, честь и готовность к самопожертвованию.

Война оказала большое влияние на психику солдат, которым приходилось сталкиваться со смертью, поэтому ее непосредственное восприятие определяло цель выживания. Более того, Ф.Г. Юнгер считал, что война является самоцелью, поскольку это делает возможным подношение крови, что вызывает чувство братства. Она создала братьев по оружию, объединила их и укрепила товарищество фронта. Помимо братьев Юнгер, Томас Манн также рассматривал войну как метафизический опыт, самым важным элементом которого было стремление выжить или добровольно умереть, предлагая свою жизнь. Однако, по его мнению, эта великая кровавая жертва, которая имела место на полях сражений, была потрачена впустую в момент оживления Веймарской республики. Товарищество и узы братьев по оружию были разрушены или разорваны, поэтому эта новая политическая структура подверглась резкой критике со стороны фронтовых ветеранских кругов, в то время как она пыталась контролировать ход истории, создавая новое поколение немцев.

Апофеозом войны была эманация радикализма и национализма среди консерватистских революционеров. Война рассматривалась как своего рода исключительно мужское боевое искусство. Как утверждал Э. Юнгер, она была осуществима только тогда, когда в нее вовлечено все общество. Именно поэтому возрождение консерватизма и радикализма принесло источник военного конфликта, каким его видели молодые немцы. Они подчеркивали отсутствие привязанности к Богу, которую они заменили секуляризацией и иерархизацией государства. Как предвидел Ф.Г. Юнгер: «Нашим настоящим союзником является не мир мирной гармонии, а мир динамики конфликтов». В этом отношении: «Восхваляется государственный человек, который воспользуется им первым».

## 1.5 Консервативные взгляды ряда современных авторов

Опираясь на размышления К. Шмитта, пытаюсь их переосмыслить и дополнить, писал основоположник германской школы геополитики, современник Шмитта Карл Хаусхоффер (1869-1946). Он связывает автаркию с расширением жизненного пространства (Lebensraum), тем самым обосновывая империалистическую войну Германии против других государств. Воинственный настрой Германии в начале XX века был обусловлен тем, что эта страна опоздала к разделу мира и была заинтересована в изменении сфер влияния.

В XIX веке главной заботой немцев было объединение своих земель и создание единого государства, тогда как глобальную политику творили Российская и Британская империи. Вплоть до конца Второй мировой войны международная политика представляла из себя борьбу различных государств за свои интересы. Однако после ее окончания ситуация меняется, поскольку СССР становится одной из крупнейших экономик мира, обладающих огромным политическим влиянием на другие государства. Предлагая альтернативу к общественному устройству западных стран, СССР стал центром коммунистического и социалистического блока государств, который вступил в противостояние с блоком капиталистических государств, в центре которого находились США. Наличие у обоих блоков ядерного оружия служило фактором сдерживания, и поэтому вместо «горячей» войны конфликт принял характер войны «холодной», выраженной в столкновении подконтрольных большим силам стран и дипломатической игре. Порой холодная война грозила перерасти в горячую – примером может послужить Карибский кризис, во время которого мир оказался на пороге ядерной катастрофы.

К. Хаусхоффер хотел произвести ревизию духа, писал о тождестве немецкой культуры и духа и младогерманстве. Можно сказать, что именно он придает геополитике нормативные черты. Для него политическая система

проистекает преимущественно из географического положения той или иной страны, а субъектность государства и способы реализации его политической воли зависят от «пространственного понимания», «пространственного сознания» и «воли к оружию».

Так складывается геополитическая расстановка сил, более подходящая на мозаику, из разрозненных, соперничающих и закрытых автаркий. Хаусхоффер полагает что это позволит преодолеть угнетение малых национальных групп в Европе и что силовое воздействие и передел территорий имеет под собой «плодотворный и конструктивный базис». <sup>31</sup> Вместе с этим он сомневается в «жизнеспособности государств Восточной Европы»<sup>32</sup> Он критиковал требования «уважать интересы других наций и в качестве равноправного партнера бороться за их интересы»<sup>33</sup>. Интересно, что его потенциальное устройство «больших пространств» не предполагало ровным счетом никаких взаимодействий между государствами. Так же он считал, что либеральная демократия не подходит восточно- и среднеевропейскому пространству, и что может быть «смещение духовного и политического порядков».<sup>34</sup>

Становится проблемой защита идеи экспансии и ее отношение с генезисом государства как «политического организма», так мы оказываемся прямо у вопроса с которым работали мыслители консервативной революции. Например К. Шмитт, не раз проходившийся по либерализму, его предтечам и последствиям, подчеркивал важность децизионизма и выступал за «революцию справа» (Revolution von rechts) или «консервативную революцию».

---

<sup>31</sup> Haushofer K. Bausteine zur Geopolitik. – Berlin: Vowinkel Verlag, 1928. – S. 24.

<sup>32</sup> Haushofer K. Bausteine zur Geopolitik. – 147 с.

<sup>33</sup> Haushofer K. Bausteine zur Geopolitik. – 208с.

<sup>34</sup> Haushofer K. Bausteine zur Geopolitik. – 98с.

## **Вывод по главе 1**

Консервативная революция относится не к четко определенному коллективному проекту, а к целой серии философских исследований и политических экспериментов, сформулированных с точки зрения радикально антилиберального национализма, полностью пропитанного эстетическим волюнтаризмом современности. В схематичных терминах она включала в себя как критику либеральной современности, так и попытку построить нелиберальную альтернативу путем радикализации, а не отказа от некоторых из самых мощных динамик современности.

## **Глава 2 Наследие идей консервативной революции у “Новых правых” и их политическая практика сегодня**

### **2.1 Консервативные идеи О. Шпенглера и К. Шмитта и их влияние на “Новых правых”**

Немногие фигуры вдохновляли это видение более мощно, чем Ницше. В то время как прогрессисты всех разновидностей рассматривали разум как тенденцию всей человеческой мысли к большему единству, системе и необходимости, Ницше рассматривал разум как источник фрагментации и плюрализма, что делало верховенство закона и государственные институты весьма проблематичными. В отличие от марксистских теорий идеологии как «ложного сознания», распространенных в то время, Ницше утверждает, что все знание обязательно втянуто в отношения власти и никогда не является результатом бесстрастного поиска «истины». Вследствие этого ни один класс или социальные силы не имели доступа к «истине» социальной ситуации, и все притязания на истину неизменно раскрывали их корыстную природу и существование в априорной социальной рациональности. Таким образом, хотя Ницше приветствовал Просвещение за то, что оно разоблачило банкротство христианского мировоззрения и допустило новое начало с беспрецедентной степенью индивидуальной свободы, он разорвал диалектическую связь между просвещением и революцией и утверждал, что результаты эмансипации могут быть сохранены только путем установления новой социальной и политической иерархии. Более того, он предупреждал, что разрушение общинных связей, через которые Бог действовал в качестве посредника безопасности между отдельными политическими субъектами, означает, что в современной политике доминируют атомизирующие механизмы контроля, где «национальное государство» утверждает себя в качестве непосредственного источника безопасности. Стремление Просвещения к всеобщей безопасности и равенству, в свою очередь, способствовало беспрецедентному расширению государственной власти путем демократизации экономической и культурной сфер и предоставления

государству возможности управлять и тем, и другим в соответствии со своей собственной корыстной логикой *raison d'état*.

Хотя Ницше был глубоко критичен к современному консерватизму, характер его культурной критики, наряду с воинственной риторикой, с помощью которой он часто формулировался, сделал его идеи привлекательными для многих консервативных националистов, которые разделяли его отвращение к изнеженному либерализму буржуазии и его надежды на то, что кризис европейского нигилизма может стать источником позитивного возрождения.<sup>35</sup> Безусловно, самым влиятельным было исследование Шпенглера (1918/1922) «Упадок Запада». <sup>36</sup> Там Шпенглер рассмотрел «Рождение трагедии» Ницше (1872), чтобы опровергнуть евроцентристские нарративы прогресса и представить человеческую историю как бессмысленное, но эстетически возвышенное зрелище, порожденное непрерывной борьбой за политическое и культурное превосходство в естественно ограниченных промежутках времени.

Против Просвещения Шпенглер настаивал на том, что не существует универсальной человеческой культуры, а только плюрализм культур, проходящих через один и тот же цикл роста и распада автономно. <sup>37</sup>К девятнадцатому веку, утверждал он, западная культура вступила в заключительную стадию длительного периода упадка и выродилась в простую «цивилизацию», где элиты в западных обществах утратили способность вдохновлять и организовывать массы по отношению к культурным целям, имеющим длительное значение. Хорошо начитанный в марксистской литературе того времени Шпенглер был также убежден, что мировая итальянская экономика прошла свой расцвет и вот-вот рухнет под давлением собственных грехов - «культурную катастрофу», которую он приписывал в значительной степени процессам промышленного

---

<sup>35</sup>О приеме Ницше в Веймарской кафедре Ашхайм (1994: 128-200)

<sup>36</sup>100 000 копий было продано на немецком языке к 1926 году, несмотря на непрозрачность работы; Общие оценки см. в разделе Джолл (1985), Фарренкопф (1991), Герман (1997) .

<sup>37</sup>(Шпенглер 1918: 106-107).

«офшоринга», импорта иностранных рабочих и неизбирательной иммиграции, которая подрывала белых . Как он писал в *Man and Technics* в ЭТОТ МОМЕНТ:

«Началось знаменитое «распространение промышленности», мотивированное идеей получения большей прибыли за счет привлечения производства в область маркетинга. И вот, вместо экспорта исключительно готовой продукции, они начали и экспорт секретов, процессов, методов, инженеров и менеджеров... Неприступные привилегии белых народов были выброшены, растрочены, преданы. Бесчисленные руки цветных рас разрушат экономическую организацию белых и ее основы. »<sup>38</sup>

Другая, хотя и во многом параллельная критика заключалась в нападках Карла Шмитта на либерализм. Шмитт считал, что валоризация либерализмом индивидуалистических расчетов и чисто субъективных ценностей свела политику к процессу технических вычислений и конкуренции, лишенному какого-либо большего среднего значения, какой-либо способности авторитетно принимать решения о существенных ценностях и отсутствию какой-либо более широкой приверженности политическому порядку или самому государству. При либерализме государство было подчинено интересам и ценностям отдельных граждан, которые поддерживали его только до тех пор, пока оно способствовало достижению их частных целей, и правительства, таким образом, имели тенденцию парализованы энтропийной конкуренцией между фракционными интересами или захвачены могущественными агентами или коалициями, которые использовали государственную власть исключительно для своей частной выгоды. В результате идея общественных или национальных интересов дискредитировалась, а граждане все больше разочаровывались в правительстве, которое было либо неэффективным, либо лживым. Эта эрозия политической приверженности оставила государство пустой оболочкой-легкой добычей для внутренних или внешних врагов, которые действительно

---

<sup>38</sup> *Man and Technics* (1931/2015, 76)

верили в единство государственных и частных, или антилиберальных сил, готовых рисковать и жертвовать своими жизнями, чтобы получить контроль над государством и достичь своих целей. Свобода вероисповедания и организации, обеспечиваемая плюралистическим «либеральным Левиафаном», стала средством организации его уничтожения.<sup>39</sup>

Эти вопросы были наиболее актуальными в случае войны, когда патологии либерального индивидуализма подрывали способность государства участвовать в конфликте. Для Шмитта способность суверена окончательно решать вопросы войны, а также готовность и обязанность индивида подчиняться этим решениям имеют основополагающее значение. Все функционирующие суверенитеты основаны на этом принципе и на спокойствии; те, кто им не обладает, вряд ли выживут. Тем не менее, в конечном счете субъективные основы либерального индивидуализма фатально подорвали эту способность, оставив либеральное государство неспособным защитить себя: «В случае необходимости, — утверждал Шмитт, — политическая сущность должна требовать жертвы жизни. Такое требование никоим образом не может быть оправдано индивидуализмом либеральной мысли. Никакой последовательный индивидуализм не может доверить кому-то, кроме самого индивида, право распоряжаться физической жизнью индивида».<sup>40</sup>

Как следствие, либеральные государства были по своей сути нестабильны, склонны к слабости из-за их неспособности последовательно призывать к жертвам со стороны своих граждан, либеральные государства были слабыми или прибегали к все более разрушительным способам идеологического универсализма, чтобы компенсировать эту хрупкость. Деструктивно парадоксальным результатом было то, что государства были как более хрупкими внутри страны, так и более разрушительными на международном уровне, поскольку универсализирующие формы

---

<sup>39</sup> Контраст между Шмиттом (2008) и Икенберри (2012) является поучительным в этом отношении.

<sup>40</sup> Шмитт (1996:71).

национализма обеспечивали социальную солидарность ценой того, что государства становились все менее способными проводить политику сдержанного расчета, принуждения и компромисса, характерную для традиционной реальной политики.<sup>41</sup>

Шпенглер и Шмитт были двумя особыми фигурами среди этих небольших, но влиятельных групп воинствующих интеллектуалов среднего класса, которые стремились организовать консервативную оппозицию унижению Версаля и недавно установленной парламентской демократии Веймара. Что сделало их мышление поразительно новым, так это то, как они перестроили свои мрачные диагнозы в позицию революционного потенциала, а не реакционного отчаяния. В отличие от своих предшественников, этот консерватизм не был ретроспективным. Канонические консервативные мыслители, такие как Бёрк, де Местр, Кортес или Бональд, часто опирались на идеал средневекового иерархического общества, защищаемого земельными аристократами и их интеллектуальными сторонниками. Консервативная революция мало надеялась на реакционное возвращение к прошлому. Такие видения не в состоянии оценить действительно радикальные вызовы и возможности, предоставляемые индустриальной современностью, и имели очень ограниченную тягу в эпоху массовой демократии.<sup>42</sup> Напротив, эта в остальном эклектичная группа консервативных интеллектуалов была поражена убеждением, что способность Германии влиять на будущее европейского глобального распределения власти зависит от ее способности приспособить традиционные коммунитарные ценности к технологическим императивам современной промышленности. Хотя эти «молодые консерваторы» скептически относились к долгосрочной судьбе Запада, они по-прежнему надеялись, что истощение рационалистической цивилизации, отстаиваемой

---

<sup>41</sup> Классическим анализом является Мейнеке; свой влияние отчетливо прослеживается в Morgenthau (1946) и обсуждается в Frei (2001).

<sup>42</sup> Об этом см. Кондылис (1986); редкий и проницательный комментарий к этому важному исследованию на английском языке см. в Gottfried (1997).

Францией и Великобританией, расчистит путь для напористой воли Германии к мировому господству в последние два столетия перед окончательным крахом Запада. Как объяснил Мёллер в «Третьей империи».<sup>43</sup>

### **2.2.1 Генезис интеллектуального движения *Nouvelle Droite***

Подъем радикальных «новых правых» на большей части глобального политического пространства является одним из самых ярких политических событий последних лет. Радикальные правые вышли из тени, чтобы играть часто обескураживающую роль в «популистских» политических лозунгах, которые бросили вызов ранее укоренившимся политическим и экономическим ортодоксам. Растущая электоральная поддержка и общественная известность во многих странах, она оказала значительное влияние на внутреннюю политику международных вопросов и на политический дискурс, особенно в таких областях, как иммиграция и экономическая глобализация.

Движения и лица, захваченные лейблом «новые правые», разнообразны, как исторически, так и географически. Как интеллектуальный проект, его исторические истоки, как правило, прослеживаются во французской *Nouvelle Droite*, созданной в 1968 году Аленом де Бенуа, Домиником Веннером и другими воинствующими правыми интеллектуалами, связанными с *Groupement de recherche et d'etudes pour la civilization européenne (GRECE)*, чья повестка дня отражала многочисленные идеологические решения. Союзы, порожденные культурными революциями и экономическими кризисами, сотрясающими многие западные общества в то время. Как объясняет де Бенуа, многие из молодых людей, которые основали движение новых правых в конце 1960-х годов, были бывшими активистами, которые объединились на основе глубокого осознания широкого спектра интеллектуальной деятельности, которая обязательно должна предшествовать любой форме политического действия.

---

<sup>43</sup> Третья империя (1923/2012: 162, 188)

Стремясь заложить основы политической философии и выработать концепцию нового мира, они хотели как-то начать с нуля и были готовы отказаться от иллюзий о любых немедленных действиях. К тому времени, однако, они осознали упрощенный и устаревший раскол между левыми и правыми. Они были готовы критически проанализировать традицию, чтобы определить ее принцип действия и жизни, а также решить основные проблемы своего времени с поистине революционной точки зрения.

Nouvelle Droite развил сильные аналоги в Италии (Nuova Destra) и Германии (Neue Rechte) в 1970-х годах, а затем в нескольких других странах Западной и Центральной Европы. У него также есть интеллектуальные союзники в современной России и других частях бывшего Советского Союза. В США термин новые правые тесно связан с развитием американского «палеоконсервативного» движения, возглавляемого интеллектуалами, такими как Пол Готфрид, Сэм Фрэнсис и Мел Брэдфорд. Готфрид придумал термин палеоконсерватизм в начале 1980-х годов в попытке оживить «старых правых» и противостоять растущему влиянию неоконсервативных и неолиберальных штаммов консерватизма, которые часто обозначались как «новые правые» в Соединенных Штатах и Соединенном Королевстве в то время. В последнее время антиэстеблишная политика новых правых активно продвигается Грегом Джонсоном, Майклом О'Мирой и идеологическими предпринимателями, тяготеющими к занятым онлайн-платформам, таким как [www.counter-currents.com](http://www.counter-currents.com), [www.theoccidentalobserver.net](http://www.theoccidentalobserver.net) и [www.amerika.org](http://www.amerika.org).

Подобно де Бенуа и его европейским коллегам, палеоконсерваторы рассматривают этот «мейнстримный» консерватизм как работу опасных доктринеров, которые заразили правых идеями, которые имеют больше общего с ранними большевиками и якобинцами Французской революции, чем с консерватизмом.

Их альтернативы были центральными в мобилизации движения альтернативных правых и части популистского национализма, связанного с

«трампизмом» в последние годы.<sup>44</sup>

За последнее десятилетие значение «консервативной революции» для понимания теории интеллектуальных правых стало широко признанным. Важность таких фигур, как Карл Шмитт, Фридрих Мейнеке, Освальд Шпенглер и другие, а также Ницше, теперь признаны существенным интеллектуальным влиянием на мыслителей, которые стремились «изобрести» теорию интеллектуального консерватизма в послевоенный период.<sup>45</sup> В то время как многие из этих источников были сосредоточены на отношениях между консервативной революцией и развитием реализма в интеллектуальных правых, особенно через таких мыслителей, как Ханс Моргентау это наследие не менее важно для сегодняшнего движения новых правых.<sup>46</sup>

В конечном счете, однако, европейские новые правые считали, что американское воплощение этого нигилистического цивилизационного проекта представляет гораздо большую угрозу европейским суверенитетам, чем Советский Союз, хотя бы потому, что оно опиралось на гораздо более коварные и сложные механизмы контроля (Venoist 1979; Фэй 1980; Герте 1980; Кребс 1994; О'Мира 2013: 210-220). Хотя эта оценка перекликается со многими аспектами революционной консервативной критики либерализма, она также отходит от нее способами, которые имеют решающее значение для понимания большей части новых правых сегодня. Одним из наиболее значительных из них является критика современного либерализма как триумфа «управленческого» или «административного» государства. Именно эта линия критики, по сути, уже была предвосхищена в политической теории «старых» американских правых, особенно в работах Джеймса Бернхэма и Фрэнсиса Паркера Йоки (1962). Он был переформулирован и развит в различных обличьях Готфридом и Франциском в США с 1980-х годов, таким образом, что сильно резонирует с политической теорией и целями

---

<sup>44</sup> (см. Gottfried 2016; Шенк 2016; Сигел 2016; Фрэнсис 2016)

<sup>45</sup> (Guilhot 2011, Bessner and Guilhot 2015, Greenberg 2014; Энемарк-Петерсен 1999)

<sup>46</sup> (Behr and Rosch 2012, Scheuerman 2009, Williams 2005)

европейских новых правых.

Консерваторы уже давно критикуют либерализм за его разрушительное социальное воздействие. Либерализм, с этой точки зрения, нанес разрушительный ущерб ценностям, которые лежали в основе осмысленной жизни их членов, поддерживали социальную солидарность и обеспечивали основу для принятия решений о принятых правовых и моральных принципах. Более радикально критики, такие как Шмитт, утверждали, что релятивизм и плюрализм современного либерализма превратили государство не во что иное, как плюралистическую арену для конкуренции между различными индивидуальными и социальными интересами, тем самым подрывая любую идею общественных или национальных интересов и оставляя либеральное государство фатально ослабленным и неспособным утверждать или защищать себя.

### **2.2.2 Анализ преемственности идей консервативной революции Новыми правыми**

Консервативное контрдвижение стремится не воссоздать, а соединиться с прошлым. Это тот идеал, который он ставит выше всех остальных, даже выше монархического идеала. Они не ищут реакции, они не хотят реставрации, которая, помимо всех других соображений, имела бы самые катастрофические внешнеполитические последствия. Консерватор не стремится видеть мир как музей; он предпочитает его как мастерскую.

Именно это синтетическое, дальновидное измерение привлекло так много интеллектуалов новых правых к политической теории консервативной революции за последние три десятилетия.<sup>47</sup> Эти мыслители призывали к новому национализму, который порвал бы с раскольническим национализмом, выкованным национал-либералами и Бисмарком, подтвердив единство (Volksgemeinschaft) против жестких классовых

---

<sup>47</sup> См., например, Молер (1950), Готфрид (1990), Минкенберг (1997), Ленк, Мойтер и Оттен (1997), Бенуа (2014), Суник (1990/2011:75-82) О'Мира (2004/2013:46-50).

антагонизмов современной реальности. Как объяснял Фрейер в своем программном трактате, понятие «революции справа» основывалось на убеждении, что классовое движение девятнадцатого века было необратимо поглощено индустриальным обществом с появлением государства всеобщего благосостояния. В этих условиях единственным подлинным политическим противником индустриального общества был народ именно потому, что его составляющие не определяли себя прежде всего своими социальными интересами и поэтому не могли быть кооптированы структурными силами индустриализма. Хотя классовая борьба была неизбежна в экономической сфере, политика и культура имели свою собственную динамику, несводимую к экономическим обидам и чаяниям:

«Революция справа очистится от остатков девятнадцатого века, где они упорствуют и освобождают путь для истории двадцатого века [...] Те, кто думает в терминах буржуазии и пролетариата, классовой борьбы и экономического мира, прогресса и реакции, кто не видит в мире ничего, кроме проблем распределения и страховых взносов для неимущих, ничего, кроме противоположных интересов, который является посредником между ними, - они, естественно, не видят, что со вчерашнего дня произошла перегруппировка целей и сил».<sup>48</sup>

Для консервативной революции более глубокое значение Первой мировой войны как всемирно-исторического события состояло в том, что она позволила высвободить и актуализировать энергию, накопленную веками, уничтожив существующие нормы, социальные порядки, империи и религиозные институты, ускорить переоценку всех существующих ценностей во имя борьбы и силы. Перед лицом пулеметных и воздушных бомбардировок исчезли все существующие барьеры между крестьянами, рабочими, дворянством, буржуазией, гражданскими лицами и комбатантами вместе с их соответствующими порядками ценностей. Также во время Великой войны небелые колониальные войска впервые появились на

---

48 Отличное изучение Фрайер Мюллер (1988) (1931/1984: пункт 347)

европейских полях смерти: «Ради военной эффективности им не только разрешили убивать белых солдат, но и приказали это сделать. Участвуя в бойне, они достигли равенства, которое, хотя и было ненадежным, тем не менее контрастировало с их обычным колониальным подчинением». <sup>49</sup> В то время как Ленин, Вильсон и их последователи стремились восстановить эти энергии в конкурирующих нарративах универсального прогресса, консервативные революционеры полагали, что они открыли возможность для нового, ужасающего понимания истории и человеческого состояния, в котором человек стал как основным производителем, так и распорядителем ресурсов, а также главный ресурс, необходимый для осуществления бесцельной воли человека к власти.

Таким образом, в часто кажущихся бессмысленными расточительствах этих гомогенизирующих сил войны и производства многие видели условия возможности для развития нового, более стабильного и тотализирующего авторитарного порядка. Технологическая революция создавала условия для новой культурной аристократии, которая возьмет под свой контроль решающие интеллектуальные и технические средства производства и организации. Признаки этих формирующихся иерархий можно было увидеть в поколении фронтовых комбатантов, в молодежи и в распространении социальных и политических движений. Эти люди, утверждали они, уже смирились с наивностью субъективной индивидуальности, и многие в этих кругах, таким образом, призывали не к интенсификации, а к технологическому развитию. С этой точки зрения, не из-за техники как таковой человек сам стал орудием техники, а потому, что современники не смогли усвоить и освоить хищническую точку зрения техники. Как выразился Шмитт: «Как в конечном итоге следует понимать этот век, будет раскрыто только тогда, когда будет известно, какой тип политики достаточно силен, чтобы овладеть новой технологией и какой тип новых дружественных

---

<sup>49</sup> Смотрите также Бартов (1989) и Эллис (1975) на эту тему. (Pick 1996: 32)

вражеских групп может развиваться на этой новой почве».<sup>50</sup>

Когда он писал это в конце 1920-х годов, Шмитт глубоко осознавал тот факт, что демократизация, транснационализация производственных и экономических обменов и быстрое технологическое развитие расширили возможности морских государств, таких как Великобритания и Соединенные Штаты, которые долгое время культивировали детерриториальные отношения с машинами и техникой. Как и многие его коллеги, он рассматривал деколонизацию и создание Лиги Наций не как расширение европейской суверенной государственной системы на остальной мир, а как шаги к замене этой системы новым международным порядком, противоречащим принципам невмешательства и территориального устройства. Это был порядок, основанный на универсальных нормативных принципах, превосходящих правовые концепции территориальности, и требующий интеграции и приверженности по существу предписанной иерархии строгих «ценностей», приписываемых человечеству в целом. В этом формирующемся порядке силы больше не будут разворачиваться для достижения четко определенных экспансионистских целей.<sup>51</sup>

Как историки, так и интеллектуалы новых правых указывали, что, хотя идеологическая траектория консервативной революции пересекалась с траекторией фашизма, ее отношение к государству, праву, бюрократии, национализму и этническому вопросу существенно отличалось от официальной позиции немецкой партии периода национал-социализма.

Конечно, вместо того, чтобы вытащить Европу из пустоши технологического нигилизма, Германия того периода собиралась повторить бойню 1914 года с еще большими актами насилия и более невообразимыми актами ненависти, мести и ресентимента, низведя дипломатическую традицию суверенной государственности, ностальгически идеализированную Хайдеггером, Шмиттом и их коллегами, до статуса необоснованного

---

<sup>50</sup> (Schmitt 1996: 94-95; см. также Шпенглер 1931/2015: 69, Junger 1932/2008: пункт 207)

<sup>51</sup> (Schmitt 1940/1994: 325, Nomos (1950/2006: 56-57), Grange 2013).

суеверия. Революция потерпела неудачу, и к моменту начала войны в 1939 году большинство революционеров уже оставили все надежды на то, что национал-социализм может показать путь от технологического нигилизма эпохи. В то время как многие из них все вместе отошли от общественной жизни, другие пошли дальше и обратили свои критические взгляды на региональные порядки и постнациональные констелляции, которые уже начинали возникать из этой «глобальной гражданской войны» между фашизмом, большевизмом и либеральным интернационализмом из-за нормативной сущности глобализации.

Темы технологического мастерства и «обоснованных» политических порядков, объединенных в геополитические блоки, определяют важные аспекты этого наследия. Подобно Хайдеггеру (1959), Шмитту (1962) и другим интеллектуалам Консервативной революции, те, кто создал новых правых как школу мысли в Европе в конце 1960-х годов, рассматривали холодную войну как разделение мира между двумя вариантами одного и того же технико-экономического и организационного мышления. Хотя конфронтация между государственным капитализмом советского образца и приватизированным капитализмом, продвигаемым Соединенными Штатами, развернулась таким образом, что вынудила Европу принять императивы, которые были враждебны преследованию их собственных культурных проектов и геополитических интересов.

### **2.2.3 Место “Новых правых” в современном политическом поле и их идеи**

Движение новых правых поддерживает многие из взглядов мыслителей консервативной революции, но как бы они не уважали консервативную философию Бёрка и восхищались многими идеями Шмитта, они утверждают, что предыдущие консервативные видения неправильно понимают власть либерального государства и международных структур, которые оно создало.

Для новых правых эта мелочь мало похожа на слабую и ожесточенную государственную власть, описанную либерально-плюралистическими аналитиками и оплакиваемую консерваторами (и некоторыми либералами). Напротив, либеральное государство осуществляет тонкие, коварные и даже более мощные формы господства в результате того, что Бернхэм (1941-1972) влиятельно охарактеризовал как «управленческую революцию» и правление «нового класса» экспертных либеральных элит. Как говорит Пол Готфрид: «В отличие от национальных монархов в ранней современной Европе, сегодняшние западные правители скрывают, а не выставляют напоказ власть, которую они осуществляют. Это, однако, не делает их власть менее реальной, хотя не отдельные лица, а класс «экспертов» выступают против неравенства и монополизировать это право».

Таким образом, важные части сегодняшнего движения новых правых утверждают, что вызов консерватизму выходит за рамки потери традиционных ценностей, солидарности и авторитета; и в их глазах Шмитт был не прав, полагая, что релятивистский/плюралистический либерализм неизбежно ведет к энтропии или слабости. Напротив, утверждают они, опустошив общественную жизнь от всякого конкретного, позитивного содержания (например, воплощенного в местных традициях, конкретных институтах и глубоко укоренившихся социальных ценностях), в современных либеральных демократиях права и ценности являются абстрактными, пустыми сосудами. Таким образом, значение равенства и содержание прав определяется теми группами, которые доминируют в социальных и институциональных структурах, которые придают им содержание. Этот плюрализм, однако, маскирует тот факт, что в структурах доминирует либеральная элита, которая использует предполагаемую слабость государства и завершение ценностных позиций в качестве идеологического прикрытия своей власти. Как говорит Готфрид, либеральное государство «становится инструментом политического класса, отмеченного общим доступом к власти и общим видением перемен. Используя

возможности для преобразования общества, этот класс использовал права, чтобы получить рычаги влияния на граждан».<sup>52</sup>

Этот идеологический и институциональный порядок позволяет современным либеральным элитам осуществлять господство, контролируя культурные, образовательные и правовые институты, которые определяют такие права, и использовать огромную власть бюрократического государства для поддержания и обеспечения этого господства. Для таких критиков, как Готфрид, часто провозглашаемый «релятивизм» или «пустота» современных прав (или их «дополитический» характер) или философский прагматизм Дьюи и его последователей— это не просто отклонение от традиционных консервативных позиций, которые утверждают важность традиции и моральных ценностей. Вместо этого либеральный релятивизм представляет собой тонкую, но всепроникающую форму власти и доминирования, наиболее мощные линии которой лежат в историческом союзе между философским прагматизмом и политическим прогрессизмом в конце девятнадцатого и начале двадцатого веков - с Вудро Вильсоном в качестве его символического выражения. Точно так же современные либеральные интеллектуалы, которые продвигают такую, казалось бы, открытую и плюралистическую философскую систему, фактически составляют элиту, выполняющую идеологическую роль.<sup>53</sup>

С этой точки зрения, ключевой источник либеральной власти заключается в ее контроле над доминирующими культурными и образовательными структурами общества, контроле, который усиливает релятивистские ценности, лежащие в основе либеральной власти, одновременно ограничивая доступ (и держа в своих руках) «неполитическую» власть судов, бюрократии и элитных университетов,

---

<sup>52</sup> Перекликается с Бернхэмом (1943) и явно опирается на Лаш (1996).

<sup>53</sup> Для Готфрида, либеральных интеллектуалов *constitute* что Мангеймский «утопическая» элитная группа, поддерживающая набор убеждений, выходящих за рамки их узкоклассовых интересов («массовая демократическая идентификация»f правительство с социальным планированием и материальными благами и преобладанием плюралистического мировоззрения»), что фактически укрепляет власть либеральной элиты, частью которой они являются (1988: 73).

которые влияют на общественные институты и определяет политику. В этом смысле либеральная демократия для новых правых по существу недемократична: она осуществляет насильное подавление консервативных выражений народной воли, которое противостоят ей, блокируя «суверенную» волю народа, если она принимает нелиберальные направления. Либеральные демократии неустанно стремятся подорвать такую волю, выступая за релятивистский плюрализм в образовании и культуре, совместимый с основополагающими ценностями либеральной элиты, все время маскируя свою власть, вводя в заблуждение оплакивание предполагаемой «слабости» либерального плюралистического государства. И для тех, кто не разделяет его ценности, либеральное государство имеет широкий спектр образовательных и терапевтических экспертов и учреждений, которым поручено изменять поведение и модулировать инакомыслие, а также обширные принудительные возможности государства, если эти стратегии потерпят неудачу.

Мыслители новых правых обычно замечают, что это господство не просто угнетает. Управленческое государство исторически преуспело в обеспечении степени экономической эффективности и процветания, породило различные формы «прав» и породило формы свободы и (народной) культурной жизни, которые принесли ему согласие, если не любовь, большинства его граждан. В свете этих факторов движение новых правых имеет относительно мало традиционных консервативных стратегий, таких как апелляции к прежним «добродетелям» республиканских (или либеральных) граждан девятнадцатого века. Как утверждает Сэм Фрэнсис, никто, кроме нескольких романтических реакционеров» реалистично не рассматривает возвращение к добродетельному индивидуализму американского республиканизма:

«Технологии и их организационные приложения не только соблазняют «роскошью» - и тем, что мы сегодня самодовольно называем «высоким уровнем жизни», - но и предлагают себя тем, кто понимает, как ими

манипулировать. »

Элиты, которые управляют современными массовыми организациями и владеют техническими навыками, которые позволяют этим организациям функционировать, не могут допустить децентрализации и автономии, которые характеризуют республиканскую гражданскую культуру, просто потому, что их собственная власть исчезнет, и эти элиты находятся не только в государстве, но и в доминирующих организациях экономики и культуры, так что наши доходы и сами наши мысли, ценности, вкусы и эмоции обусловлены и манипулируются ими и их апологетами.

Власть этого либерального порядка не ограничивается внутренней политикой: для новых правых она по своей сути интернациональна. Глобализация — это не просто экономический процесс, это продукт логики либерального правления и власти, интересов и «утопии», лежащей в основе либеральной современности как эпохи. Здесь сочетание безродного космополитизма либеральных элит, скрытых ценностей, лежащих под их плюралистической идеологией, и сходства как с веберовской бюрократической, так и с правовой властью, транснациональным капиталом и безграничными культурными потоками являются неотъемлемыми элементами глобализирующихся императивов и желаний либерализма и его сторонников. Как объясняет Готфрид, это явление неумолимо связано с ростом американской мощи и укреплением американской гегемонии в течение двадцатого века:

«На протяжении большей части второй половины этого столетия Соединенные Штаты не пользовались одобрением интеллектуалов и не рассматривались как наиболее перспективный представитель социального планирования. Его недавний успех в качестве модели происходит от выживания после падения управленческих конкурентов и от использования его политического и культурного присутствия для продвижения своей версии народного правительства [...] Критический момент в ассоциации плюрализма с глобальным обществом был достигнут в Соединенных Штатах в 1960-х

годах. В то время американские политики и журналисты решительно стали идентифицировать свою страну как универсальную нацию. Они представили революцию в области гражданских прав как горнило для реформирования американской идентичности. Возникла связь между установлением равных политических прав для американских чернокожих и разрушением национальных барьеров. Первый считался мандатом вторым. Стремление к расширению равного гражданства внутри страны и открытие границ Америки для все большего и большего числа иммигрантов из стран третьего мира стали связанными тенденциями. »<sup>54</sup>

На этом этапе, опять же, анализ новых правых пересекается с современной международной теорией в ряде важных моментов. Наиболее ярко это проявляется в отношении либерального интернационализма. Как мы только что видели, в отличие от консерваторов Шмитта или левых критиков, таких как Хардт и Негри (2005), которые следуют его примеру, новых правых и не считает, что либерализм ослабляет государство. Действительно, когда дело доходит до глобализации, они почти наверняка согласятся с теми либералами, которые, отвечая на обвинения в том, что они недооценивают власть государства, утверждают, что «на самом деле, национальные государства становятся глобальными и объединяются с коллегами по всему миру. Эти сети правительственных учреждений - финансовых регуляторов, даже законодателей и судей - создают сеть глобального управления, которая основана не на наднациональном образовании, а скорее на самих национальных государствах». <sup>55</sup> Разница в том, что там, где Слотер и ее коллеги-интернационалисты рассматривают это как прогрессивный, диалогический процесс расширяющегося, плюралистического, либерального прагматизма, с точки зрения новых правых это как описание (а также идеологию) распространения либеральной власти по новым и все более тонким каналам.

---

54 (1999: 75, 95-96)

55 Цитата выражает более широкий анализ в Slaughter (2004). (Hale and Slaughter 2005)

Действительно, для новых правых сама идея международных прав человека, развивающихся в направлении и вокруг якобы универсальных принципов, рассматривается как еще одна либеральная стратегия, которая под видом плюрализма и терпимости фактически исключает легитимность любого обращения к «родным» ценностям или партикуляристским определениям прав и которая противостоит праву национальной общественности на осуществление и демократическую поддержку партикуляризма.

Либеральные структуры интеллектуальной и институциональной власти передают такие решения в руки элит (Бойнер красноречиво определил «финансовых регуляторов, судей и законодателей»), которые претендуют на буровую установку и все больше обладают идеологической и институциональной властью для вынесения решений по таким правам и обеспечения выполнения своих решений. Глобальный либерализм является для новых правых выражением и расширением процессов внутреннего либерализма, его сторонников элиты, их институциональной и идеологической власти.

С этой точки зрения либеральные международные институты являются глобальным выражением управленческого государства, а интересы и ценности (универсализм, эгалитаризм) нового класса, опять же, как правило, осуществляются через недемократические институты (бюрократия и судебная система - процессы «институционализации» и «юридикализации»), вознесенные либералами интеллектуальных правых, являются для них иллюстрациями власти и патологий либерального государства и его элит. Такой порядок постоянно стремится тонко переделать мир по своему образу и подобию точно так же, как это было сделано в либеральных государствах - через элитные образовательные и управленческие сети и путем отделения нормативной базы международной легитимности от политического принципа национального демократического согласия. Рассмотрим характерную формулировку Юргена Хабермаса от имени глобального либерального

управления, например: «на глобальном уровне демократическая процедура больше не черпает свою легитимизирующую силу только, из политического участия и выражения политической воли, а скорее из общей доступности совещательных процессов, структура которых основана на ожидании рационально принятых результатов».

Для новых правых эта морализаторская «война с инакомыслием», которая считается «рационально приемлемыми результатами», является основным каналом, через который политик выражает себя и толкает через границы в эпоху либерального управленческого государства. Полемика новых правых здесь также сходится с растущим корпусом «суверенистской» литературы в международном праве, которая выступает против превращения международного права из механизма, предназначенного для регулирования межгосударственных отношений (обычное право наций), в механизм, предназначенный для регулирования отношений между государствами и их гражданами - и между культурой большинства и различными культурными и этническими меньшинствами внутри государств.<sup>56</sup> Согласно новым правым, экономические и социальные проигравшие в этой конституционализации мира - это те, кто не может или не хочет принимать или адаптироваться к глобалистским императивам. Это «оставленные позади», те, кто все еще привязан к местности, кто воспринимает миграцию или культурный космополитизм как угрозу, а также «прискорбные», которые держатся за традицию, за свои унаследованные сообщества и предрассудки, даже когда они разрушаются глобализацией, и которые пренебрежительно относятся к отсталым и фанатичным, зависимым и (если им повезет) нуждающимся в «переквалификации» либеральной элитой, которая является снисходительным агентом. Все это свидетельствует об их все более тяжелом положении, и это отвергает и унижает их чувства социальной и культурной дислокации или отчуждения. Этот взгляд на последствия глобализации был

---

<sup>56</sup> Для характерных утверждений см. Болтон (2000), Кейси и Ривкин (2001), Фонте (2009). Для обзора см. Goodhart и Бонданелла Танинчев (2011).

мощно выражен в американском контексте Сэмом Фрэнсисом, в отрывке, который стоит процитировать довольно подробно:

«Эти «средние американцы», в основном белые и средний класс, получают доход от зависимости от массовых структур управленческой экономики, и, поскольку многие из них давно утратили привычку к самостоятельности, они также зависят от услуг правительства.»

Тем не менее, несмотря на их зависимость, они обнаруживают, что их работа небезопасна, их сбережения лишены ценности, их районы, школы и дома небезопасны, их избранные лидеры безразличны по отношению к ним, их моральные убеждения и религиозные профессии и социальные кодексы подвергаются постоянным нападкам даже со стороны их собственного правительства, их детей учат презирать то, во что они верят, их идентичность и наследие как народа находятся под угрозой. и их будущее - политическое, экономическое, культурное, этническое, национальное и личное - неопределенно.

Таким образом для интеллектуалов новых правых одним из последствий механизмов глобализации является то, что более старые, децентрализованные идентичности определенных социальных классов, общин, религиозных и этнических групп больше не могут эффективно мобилизовать население для коллективных политических действий. Вторя знакомым Шпенглеровским темам, они утверждают, что даже то, что когда-то называлось «Западом», стало просто идеологической абстракцией, поддерживаемой конгломератом атлантистов и их экономические интересы. Этот конгломерат не «возглавляется» вдохновляющими политическими и культурными деятелями, но и только «управляется» в соответствии со своими собственными экспансионистскими нормативными императивами.<sup>57</sup>

Интеллектуалы новых правых в Европе и Северной Америке также критикуют глобальные военные интервенции и обязательства, которые угрожают втянуть соответствующие политические сообщества в ненужные

---

57 (Фай 1981; Сорель 1999; Готфрид 1999; Фрэнсис 2016).

войны и «полицейские операции» во имя «либеральных» ценностей. Они особенно критически относились к западным интервенциям на Балканах в 1990-х годах против сербского и хорватского национализма, а также к последующей войне с террором, которая велась в Афганистане, Ираке и за его пределами.<sup>58</sup> Это одна из главных причин, почему предвыборная кампания Дональда Трампа, включая его примирительное отношение к России, получила такую поддержку со стороны «антинеоконсервативных» альтернативных правых в США. Готфрид понимает это так, что этот шаг был расценен сторонниками Трампа справа как усиление противовеса мультикультурным левым в виде национального лидера, который апеллирует к евразийскому и европейскому и христианскому прошлому. Президент России же выступает за все, что его американские поклонники хотели бы видеть в США. Обратите внимание, что этот взгляд на Россию и другие восточноевропейские страны в качестве модели не рассматривается как несовместимый с тем, что правые считают «американскими интересами». Этому интересу можно служить только в том случае, если Америка снова будет рассматривать себя как нацию, следуя примеру главы правительства России в восстановлении традиционных социальных ценностей.

Для Готфрида, де Бенуа и их коллег недавние электоральные успехи правых, выступающих против истеблишмента, в Америке и Европе являются признаками того, что либеральная глобализация вносит несколько диалектический вклад в условия возможности ее преодоления. Какими бы мощными ни были эти либеральные структуры, движение новых правых считает (и надеется), что они также содержат семена своего собственного разрушения, поскольку оба являются источником кризисов в социальных и экономических условиях, а также политической легитимности современных государств. Внутри страны либерализм культурно маргинализирует или экономически ставит в невыгодное положение значительную часть своего

---

<sup>58</sup>См., например, Шампетье (1999), Сорель (1999), Суник (2007); Фэй (2011), Готфрид (2012), Бенуа (2013),

населения и отчуждает их через элитарную культуру презрения. В то же время либеральные элиты поддерживают войны за рубежом, презирая социальные группы, которые «ведут войны, которые придумывают ее лидеры», и относясь с пренебрежением к их патриотическим настроениям.

Цель анализа либеральной политической власти и ее связей с глобализацией не просто объяснительна, и ее цель не просто в обеспечении политической социологии. Он стремится создать классовое, этническое или групповое самосознание со стороны объектов своего анализа - помочь мобилизовать «маргинализированные» группы, которые он идентифицирует, в самосознательную агентность. Повествование о глобальной истории «врага» либеральной элитарности является важным компонентом этой стратегии, и ее идентификация «Нового класса» обеспечивает фокус для противостояния (шмиттианского идентифицируемого врага), чтобы мобилизовать вызовы либеральному порядку.<sup>59</sup> причем такие фигуры, как Франциск, утверждают, что контрмиф о эссенциализированной нации необходим для преодоления ее либерального противника:

«Миф о равенстве человечества и, следовательно, включает в себя все человечество, должен быть заменен новым мифом о нации как исторически и культурно уникальном порядке, который командует лояльностью, солидарностью и дисциплиной и исключает тех, кто не ассимилирует или не может ассимилироваться с его нормами и интересами.»

### **2.3 Самоопределение “Новых правых” и их политический опыт в современной Америке**

Альтернативой неэффективной консервативной ностальгии или либеральному доминированию является внутренний и международный порядок, сосредоточенный вокруг возвращения к «этносу», к тому, что

---

<sup>59</sup> Мюллер (1999) дает прекрасную трактовку понимания и использования мифа Шмиттом. О новых правых и мифе см. Бенуа (1999), (1979), О'Мира (2011: 133-136).

Роджер Гриффин выразительно захватил как «базовую единицу однородной культурной энергии», отличную от современной нации и государства. По крайней мере для части новых правых оппозиция либеральному универсализирующему/ национальному/ административному государству и усилия по его «деконструкции», безусловно, трудны, но они ни в коем случае не невозможны, и историческая динамика либерализма может даже находиться в процессе обеспечения путей к успеху, как экономические и культурные потрясения, вызванные глобализацией, и негодование против распространения «либеральных войн» создают благоприятные условия для консервативного контрдвижения. Но перемены включают в себя нечто большее, чем просто ожидание поворота колеса истории, требуется появление позитивной альтернативы. Реакционный фатализм или традиционный консервативный нарратив о потере и упадке не являются ни необходимыми, ни достаточными. Что требуется, так это новая политическая теория, видение и нарратив за пределами устаревших категорий левых и правых, и устойчивая кампания политической мобилизации, основанная на ней.<sup>60</sup>

В геополитическом плане это повествование принимает ряд новых поворотов. Американские палеоконсерваторы выступали за децентрализованный национализм, переформулированный и основанный на социальной власти и культурной власти. Это будет достигнуто путем агрессивного процесса дебюрократизации и передачи власти, а также резкого разворота иммиграционной политики, связанной с либерализмом элит Восточного побережья<sup>61</sup>. Европейские новые правые стремятся к аналогичному возвращению к буквально «заземленным» политическим сообществам предметной культуры и истории (а в некоторых случаях — бенуалистской — субсидиалистской местной демократии) в качестве альтернативы либеральной современности и глобализму. Наследие

---

<sup>60</sup> См. де Бенуа, а так же А. Дугина (2012) «четвертая политическая теория» XXI века

<sup>61</sup> (Francis 1992, 2016).

консервативной революции возникает вновь, со старыми идеями технологической элитарности и общественной солидарности, требующей как сдерживания капитализма, так и интенсивного использования (и в то же время контроля) технологий<sup>62</sup>, не отвергая ни того, ни другого. Работают как миф о этносовом государстве, так и технологически освобожденная элита.

Цель состоит не в том, чтобы заменить государство какой-то более всеобъемлющей формой той же универсальной логики, а в том, чтобы выйти за ее пределы, то есть быть пойманным в ловушку устаревших идей и институтов, которые необходимо превзойти. То, что эти идеи могут звучать подозрительно, как некоторые, отстаиваемые антиглобалистскими левыми, является для мыслителей движения новые правые, таких как Бенуа, еще одной иллюстрацией аналогичной необходимости выйти за рамки устаревших дихотомий, принимая экологические и экономические позиции, противоположные резко свободным рыночным консерваторам, отвергая при этом культурный космополитизм левых.

Этот измененный порядок потребует ограничения авторитета в политическом сообществе путем исключения или даже изгнания тех, кто не принимает или не хочет принимать его образ жизни. Новые правые утверждают, из этого не следует, что этих Других следует ненавидеть или презирать; у них тоже есть свои собственные политики, которые следует одинаково ценить по-своему. Таким образом, движение новых правых утверждает, что является идентаристским, но не обязательно ксенофобным (позиция новых правых по этому вопросу на самом деле сильно варьируется в зависимости от авторов и фракций).<sup>63</sup> Идентичность, как утверждает Бенуа, следуя за Мартином Бубером, является «диалогической». Поэтому новые

---

<sup>62</sup> Как говорит Бенуа, «европейской цивилизации ничего не угрожает из-за технический прогресс, но из-за эгалитарной утопии, которая, кажется, набирает силу в настоящее время и оказывается в противоречии с потребностями общества, рожденной, среди прочего, именно этим техническим прогрессом» (Benoist 1979: 316; цитируется в Спекторовский (2003: 120). См. также позицию Ярвин.

<sup>63</sup> Цитируя Верену Штольцке (1999), Спекторовский (2003: 118) отмечает, что «этот тип «культурного фундаментализма» предполагает набор симметричных контрконцепций, люди по своей природе являются носителями culture и различные культуры несоизмеримы».

правые должны противостоять культурной и экономической глобализации как на международном, так и на местном уровне и поддерживать усилия по борьбе с глобализацией, отвергая / отвергая левых, которые пытаются сделать это во имя некоего абстрактного «человечества».<sup>64</sup>

Эти темы часто связаны с еще одной идеей, которую движение новых правых стремится искупить исторически - идеей империи.<sup>65</sup> С этой точки зрения, меньшие «этно»-политические единицы могут сформировать более широкий региональный порядок, который не является просто расширением или расширением современного государства или структурой, максимизирующей интересы, которую можно приравнять к современному(либеральному) ЕС. Вместо этого они предполагают, что можно было бы построить неорегиональные порядки с другими «заземленными» государствами, которые имеют те же широкие культурные основы и более широкие общие черты. Империя в этом нарративе — это не угнетение и господство: это форма автономии и субсидиарности — возможность внутрипорядочного плюрализма, невозможная в рамках универсализирующей логики современного государства и способная поддерживать себя на разных принципах. Как утверждал Бенуа (1993/94: 84; цитируется в Спекторовский 2003: 124): «Что отличает империю от нации? Прежде всего, тот факт, что империя – это прежде всего не территория, а существенная идея или принцип. Политический порядок определенный духовной идеей».

Для части новых правых это означает возможность возникновения «реального» европейского порядка, в отличие от ложного универсализма и менеджериализма ЕС. Этот порядок будет опираться на общее культурное наследие и будет достаточно мощным, чтобы противостоять другим регионам. Но из-за отсутствия универсализирующей логики и авторитета он

---

<sup>64</sup> Как Спекторовский (2003: 2003) говорит об этом: «Концепция дифференциалист этно-плюрализм... закладывает основу для правого тгория мультикультурализма противостоит либеральному мультикультурализму».

<sup>65</sup> И ведет за собой других, как Ярвин, в сторону неокамерализма.

не обязательно будет угрожать автономии составляющих его политических порядков внутри него, а также не будет угрожать другим региональным порядкам за пределами его границ.

Несмотря на некоторую близость с его взглядами, это не «Запад», как у Хантингтона. Как мы видели ранее, для многих мыслителей новых правых «Запад» как цивилизационное образование больше не существует. Действительно, некоторые европейские мыслители движения новых правых даже настаивают на том, что современную Америку не следует рассматривать как часть естественного порядка «Евразии» и что Россия, вполне возможно, должна быть таковой. Это ключевой элемент в «евразийском» взгляде на будущее, отстаиваемом российскими консерваторами, такими как Александр Дугин. Но мыслители новых правых утверждают, что у них также есть давние связи с другой традицией - геополитикой.<sup>66</sup>

Для Дугина этот консервативный традиционализм (в отличие от традиционного консерватизма<sup>67</sup>) может обеспечить обязательную силу, общую приверженность, связывающую Европу, Россию. Действительно, по мнению Дугина, разнообразие новых правых является источником их потенциальной силы, обеспечивая основу для нескольких консервативных сил, чтобы сделать общее дело в соревновании против их определяющего либерального противника. Он приглашает к размышлению о структуре возможного антиглобалистского и антиимпериалистического фронта и его участников. Он полагает что реализация политической воли возможна только при наличии не просто Другого на политической арене, но конкретно врага. В этом он видит общее основание, на котором могут сблизиться мусульманин и христианин, русский и китаец в борьбе против империализма и повсеместной глобализации. Участники этого альянса фактически

---

<sup>66</sup> Дугин, см. Бассин 2016 год, и за претензии о влиянии Гумилева идеи см. Clover 2016.

<sup>67</sup> Для анализа традиционализма и его связей Об этих формах консерватизма см. Sedgwick 2009.

сплачаются против вестернизации. Он даже отмечает что: «И мы можем найти общих союзников и в Соединенных Штатах, среди тех, кто выбирает путь Традиции вместо нынешнего декаданса».<sup>68</sup>

В этой смеси геополитических нарративов старые идеи Евразии, российского имперского пространства, более широких сходств между «традиционными» группами и государствами разных видов перестраиваются в рамках нового глобального нарратива, часто в противовес — хотя они осторожно подчеркивают, не обязательно в конфликте с — Америкой.<sup>69</sup> Условия и предпосылки этих дебатов в США различны; но и здесь нативистское и биологическое видение нации, расы и культуры существует в контексте общей критики глобального либерализма. Например, решение новых правых сплотиться вокруг безжалостного предпринимателя, такого как Дональд Трамп, во время избирательной кампании 2016 года, можно понять на фоне аналогичного набора дилемм и соображений по поводу иммиграции, глобального капитализма и европейского наследия Америки.

---

<sup>68</sup> (Dugin 2012: 194; цитируется по Hawley 2016: 237).

<sup>69</sup> Хотя хвалят такие фигуры, как Рассел Кирк, для Бенуа (Верслуис 2014: 87) Американские консерваторы слишком часто продолжают твердо придерживаться экономического либерализма: «Они считают, что люди важнее коллективизма. Этот вот почему они выступают против государственного вмешательства, а также против любой формы экономического и финансового регулирования, которую они обычно приравнивают к «социализму». Эта точка зрения мешает им понять тот факт, что распад коллективных идентичностей является dЭто связано с ростом индивидуализма, а также с колонизацией воображаемого исключительно экономическими и коммерческими ценностями... Другими словами, они почти единодушно защищают капиталистическую систему, экспансия которой, однако, методично разрушает. все, что они хотят сохранить». Он претендует на то, чтобы предпочесть труды Наоми Кляйн и Томаса Фрейдмана по этим вопросам. Смотрите также Суник (2007), О'Мира (2004/2013: 176-209).

## Выводы по главе 2

Движение «новые правые» зачастую интерпретируется в российском философском дискурсе ошибочно. Полагается, что это движение представляет собой всплески популизма и радикальных политических течений. Однако такие характеристики не просто уплощает, но в корне неверно трактует всю эволюцию этого течения.

Новые правые наследуют консервативные идеи О. Шпенглера и К. Шмитта, и в историческом разрезе развивается во многом как преемники идей консервативной революции во многом в духе Э. Бёрка. Также следует не забывать, что это движение противопоставляет себя левым, либералам и классическим консерваторам, представляя собой настоящий интеллектуальный авангард своего времени.

Таким образом для интеллектуалов новых правых одним из последствий механизмов глобализации является то, что более старые, децентрализованные идентичности определенных социальных классов, общин, религиозных и этнических групп больше не могут эффективно мобилизовать население для коллективных политических действий, чего пытаются добиться новые правые.

## **Глава 3 Определение возможности реализации идеи консервативной революции в современном мире**

### **3.1. Критика авторитарного либерализма в современной Европе и оценка применимости идей консервативной революции**

Отчеты о европейской интеграции обычно начинаются с реконструкции после опустошения континента в первой половине XX века. Они начинаются с того, что изображают желание начать все заново, *Stunde Null*, попытку гарантировать, что конфликт предыдущих десятилетий никогда больше не повторится. Вина за предшествующий крах возлагается на деструктивный национализм, военно-агрессивный и экономически протекционистский. Решение, направленное в первую очередь на Германию, состоит в том, чтобы обуздать импульс к перевооружению и стимулировать стремление к рыночной интеграции. Одновременное достижение обеих целей, мира и процветания, символизируется Парижским договором 1951 года и его созданием: наднациональными институтами и структурами, которые станут отличительной чертой Европейского Союза в течение следующих шестидесяти лет.<sup>70</sup>

Вряд ли можно утверждать, что послевоенная Европа охвачена страхом перед демократией и, следовательно, предполагаемой необходимостью ее «ограничения». Ян-Вернер Мюллер подробно изложил это утверждение, описав различные формальные и неформальные стратегии, направленные на реструктуризацию существующих институтов и создание новых, как внутренних, так и европейских, с целью построения конституционной архитектуры, которая деполитизирует деятельность управления. В центре внимания Мюллера было культурное и политическое «дисциплинирование» массовой демократии в послевоенном восстановлении в целом и значение христианско-демократического движения в достижении этой цели в

---

<sup>70</sup> Джозеф Вейлер добавляет структурный, а также идеологический, мессианский компонент (Культура интеграции: исследовательское эссе» (2011) 9:3-4 Международный журнал права 678 - 694)

частности.<sup>71</sup> По его словам, послевоенное урегулирование было призвано дисциплинировать и стабилизировать либеральную демократию, чтобы предотвратить ее совершение «демократического самоубийства». Большая часть связанной с этим работы по так называемой «контрмажоритарной» дилемме (включая неуместно названную «militant democracy») фокусируется на предполагаемом внутреннем противоречии между двумя полюсами «либеральной демократии» и рассматривает, как помешать демократическому большинству преследовать цели, которые могли бы подорвать либерализм.<sup>72</sup> Идеи Мюллера еще предстоит полностью внедрить, хотя многие из них были предвосхищены работой Карла Шмитта и с тех пор забыты или отброшены либералами.<sup>73</sup>

Вместо предполагаемого внутреннего противоречия в либеральной демократии (и парадокса демократического саморазрушения и концептуальной гимнастики, связанной с попыткой разрешить это), критическим вопросом является напряженность между демократией и капитализмом. Именно эта эвристическая модель обеспечивает основу для будущих изменений.<sup>74</sup> Понимание этого является ключом к пониманию трансформации Европы в XX и XXI веке.

Дело заключается в том, что послевоенная европейская государственная система претерпевает структурную трансформацию, передифференциацию политической и экономической сфер. В частности, эти отношения трансформируются путем обусловливания демократического суверенитета над экономикой путем изъятия экономических вопросов из общественного достояния демократической власти и подотчетности. Ярлык

---

<sup>71</sup> Мюллер, там же, глава 4.

<sup>72</sup> Те «Воинствующая демократия» была придумана в 1935 году Карлом Левенштейном. Два недавних критических чтения см. С Accetti and I Zuckerman, «Что не так с воинствующей демократией?» (2017) 65:1 Политология 182 - 199 и A Malkopoulou и L Norman, 'Three Models of Демократическая самооборона: воинствующая демократия и ее альтернативы» (2018) 66:2 Политология 442 - 458.

<sup>73</sup> См. Бенджамин Шупманн, Государство и конституционная теория Карла Шмитта (ОУП, 2017).

<sup>74</sup> Хотя связан с творчеством Вольфганга Штрика (см. ег. Покупка времени: о затянувшемся кризисе демократического капитализма), динамическое напряжение имеет более глубокую историю в марксистской традиции, см., например, Эллен Мейксинс Вуд, Демократия против капитализма: обновление исторического материализма (КУБОК, 1995).

«авторитарный либерализм» используется для описания этого явления, соединения политического авторитаризма и экономического либерализма.<sup>75</sup> Если свести его к самой базовой формулировке, то он охватывает феномен либерализма, который достигается авторитарными средствами, избегая надежной демократической подотчетности. Она либеральна в том смысле, что она деполитизирует экономику, натурализует неравенство и способствует развитию рынков, конкуренции и частной собственности.<sup>76</sup>

Опять же, утверждение о том, что послевоенная Европа обусловлена попыткой реконструировать традицию классического либерализма первоначально через смешанную или «встроенную версию», не ново.<sup>77</sup> Авторитарный либерализм начинается в межвоенный период, а затем только развивается далее. Европа достигает критического момента, не в состоянии двигаться вперед или назад.<sup>78</sup> Авторитарный либерализм в настоящее время разжигает политику авторитарного популизма, который он должен был предотвратить, но от которого он, по-видимому, зависит.

Послевоенное воссоздание европейского государства и государственной системы происходит постепенно. Оно не следует строго линейной прогрессии или не влияет на весь континент таким же образом. Оно разнообразно, неравномерно и объединено в европейских государствах. Действительно, эти слои неразделимы: европейская интеграция — это процесс трансформации социальных институтов государства, а не построение независимого набора институтов и структур выше или отдельно

---

<sup>75</sup>, см. Майкл А. Уилкинсон, «Призрак авторитарного либерализма 527 - 560; «Восстановление послевоенной Европы: либеральные эксцессы, демократические недостатки» в Dowdle and Wilkinson (eds.).

<sup>76</sup> Показательно, что ордолиберализм почти не упоминается в книге Мюллера. КонтеcТинг Демократия, хотя в других местах сам Мюллер описывает его значение в послевоенной Германии как огромное. Ордолиберализм будет обсуждаться в главе 3, но сразу же очевидно, что ордолиберализм действительно занимает центральное место в отношении между политические и экономические, а также то, что им в значительной степени пренебрегали до относительно недавнего времени.

<sup>77</sup> см., например, Джон Джиллингем Европейская интеграция: 1950 - 2003 Сверхгосударство или новая рыночная экономика? (Издательство Кембриджского университета, 2003).

<sup>78</sup> См. Клаус Оффе, Европа в ловушке (Полити Пресс, 2014).

от государства.<sup>79</sup>

Попробуем выделить несколько разновидностей идеологического устройства государств европейского типа. Первая, «ядро Европы», будет состоять из тех стран, которые имеют непосредственный опыт краха либерализма через капитуляцию перед фашизмом (основополагающая «шестерка»). Для этой первой группы европейская интеграция не является простым выбором, экспериментом, который также может быть отменен, или клубом, к которому можно присоединиться или покинуть его по желанию; это в «ДНК» их послевоенной социальной идентичности, бегство от бремени суверенности. А Европа, в свою очередь, несет на себе отпечаток этой идентичности, учитывая значение основополагающей шестерки по своей форме. Вторая, южная окраина, включающая Испанию, Португалию и Грецию, будет состоять из тех стран, которые подали заявку на присоединение к послевоенной диктатуре Европейского Союза. Для этих стран вступление в ЕС означало землю обетованную политического либерализма.<sup>80</sup> Третий, включающий страны бывшего Восточного блока, будет состоять из тех стран, для которых членство в ЕС сигнализировало о ремиссии «Запада», идее Европы, предполагающей быстрое принятие рыночного капитализма, но также и их восстановление суверенитета после десятилетий подчинения имперской державой. Для каждой из этих трех групп идея «Европы» по-разному представляет собой форму эмансипации из прошлого, возможно, с уменьшающейся глубиной привязанности. Четвертая и последняя категория, еще более отстраненная, будет состоять из устойчивых демократий Великобритании и скандинавских стран, для которых членство в ЕС всегда сигнализировало о более прагматичной позиции - ничего рокового, еще менее освободительного не значилось. Ни в одной из этих четвертых групп упадок парламентской демократии в

---

<sup>79</sup> Крис Бикертон, Европейская интеграция: от национального государства к Мембер Состояние (Оксфорд: Оксфорд Юниверсити Пресс, 2013, «По своей сути недемократическая демократия ЕС» в Nanopoulos and Vergis (eds)

<sup>80</sup> Ирландия может принадлежать к этой группе или относиться к ней, в смысле, что его успешная независимость от Великобритании тесно связана с членством в ЕС.

межвоенный (или послевоенный) период не был таким большим, ни в одном из них бремя прошлого не было столь велико.<sup>81</sup>

Путь авторитарного либерализма - это траектория, которая в настоящее время подвергается критике со всего спектра политических позиций. Распад центристских партий (и подъем правых и, в меньшей степени, левых), в частности, затронул страны, принадлежащие ко всем четырем «разновидностям конституционализма». <sup>82</sup> Авторитарный либерализм по-разному переплетается с каждой конкретной конституционной траекторией.

Ярлык «авторитарный либерализм» может сбить с толку, как в концептуальном, так и в историческом смысле. <sup>83</sup> Хотя нередко неолиберализм с 1980-х годов рассматривается как авторитарное явление,<sup>84</sup> непосредственный послевоенный период часто характеризуется как период, в котором демократия консолидируется. Но это утверждение, когда оно делается, часто описывается так, что сама демократия едва отличима от либерализма. <sup>85</sup> Это заметно ограниченная форма демократии, которая возникает: «пассивный авторитаризм». Начиная с позднего Веймара - когда, как отмечал Герман Хеллер, авторитарное правление было направлено непосредственно против демократии и, в частности, для защиты

---

<sup>81</sup> Даже для Великобритании сильный волюнтаризм может ввести в заблуждение. Для Великобритании членство в ЕС было представлено как важный аспект ее пути к созданию полноценной модернизации. См., например, Мартин Лафлин, «Британская конституция: мысли о причинах нынешнего недовольства» (2018) 16:1 Новозеландский журнал публичного и международного права. Но нарратив модернизации не отражает конституцию. Воображение точно так же, как ассоциация Европы с политической эмансипацией.

<sup>82</sup> Для анализа см. Крис Бикертон, «Крах мейнстрима левоцентристов Европы» Новый государственный деятель, 1 мая 2018.

<sup>83</sup> Но посмотрите на Никоса Пуланцаса, Государство, Власть, Социализм (Verso, 2000), впервые опубликован в 1978 году как *L'etat, l'empire, le socialisme* (в частности, часть четвертая, «Упадок демократии: авторитарный этатизм»).

<sup>84</sup> См., например, Ian Bruff (2014) «Подъем авторитарного неолиберализма» Переосмысливая марксизм, вып. 26.

<sup>85</sup> См., например, Мартин Конвей, «Взлет и падение демократической эпохи Западной Европы, 1945-1973» (2004) 13:1 Современная европейская история 67 - 88 (после предположения, что наилучшее приближение Западной Европы между концом 1940-х и началом 1970-х годов будет. Он сразу же отмечает, что это «рискует подчеркнуть сильные стороны, а не ограничения довольно ограниченной формы демократии, установленной после Второй мировой войны», в возрасте 71 года).

капиталистической формы экономики.<sup>86</sup>

«Авторитарный» понимается здесь в оппозиции и контрасте с демократическим правительством и, в частности, с демократическими изменениями, а не, как в случае с некоторыми недавними статьями о кризисе демократии, в оппозиции или в отличие от либерального правительства.<sup>87</sup> В политической теории, особенно в республиканской традиции и различных работах в радикальной демократической традиции, либерализм (особенно экономический либерализм) часто описывается как находящийся в противоречии с демократией.<sup>88</sup> Скептицизм в отношении демократической легитимности контр-авторитарных институтов даже распространен среди самопровозглашенных либералов.<sup>89</sup>

Послевоенное восстановление Европы, включая проект интеграции, представляется как консервативное. Безусловно, это произошло «в тени» федералистского видения европейского объединения.<sup>90</sup> На практике федералистский проект был почти полностью побежден. Вместо этого социальная архитектура сохраняет порядок либерализма, которому в межвоенный период угрожал не только милитаристский экономический протекционизм, но и перспектива демократического социализма - общественного или коллективного контроля над экономикой. Защита от этой перспективы была заботой как либерализма, так и неолиберализма.

---

<sup>86</sup> Герман Хеллер, «Autoritärer Liberalismus», Новая Рундшау 44 (1933): 289-298 (в английском переводе «Авторитарный либерализм?» Европейский юридический журнал 21 (2015): 295-301 (перевод С. Полсона)).

Авторитаризм не требует харизматического автократического руководства и масштабного развертывания из экстраправовое насилие и принуждение; это не то же самое, что фашизм, диктатура или тоталитаризм, что не означает, что оно не может привести туда (ср. Хуан Линц, Тоталитарные и авторитарные режимы (Издательство Линн Риннер, 2000)).

<sup>87</sup> Для недавних Мартин Лафлин, «Современный кризис конституционной демократии» (2019) Оксфордский журнал юридических исследований. О разновидностях авторитаризма см. Гюнтер Франкенберг, «Авторитарный конституционализм: примирение с Кошмары современности» Хелены Альвиар и Гюнтера Франкенберга (ред.) Авторитарный конституционализм: сравнительный анализ и критика (Элгар 2019).

<sup>88</sup> см. Брайан Таманаха, «Темная сторона отношений между верховенством закона и либерализмом» (2008) 33 NYU Journal of Law and Liberty.

<sup>89</sup> См. Современные дебаты в политической философии (Уайли Блэквелл, 2009) 267;

<sup>90</sup> Прогрессивное федералистское видение часто ассоциируется с «Манифестом Вентетона» Спинелли..

См. также Ханна Арент, «Партии, движения и классы» (1945)

С этой точки зрения, «неолиберальная» динамика, начавшаяся в конце 1970-х годов, отражает углубление, а не отход от предыдущего пути послевоенного развития в целом. Опустошение западной демократии, подъем юридического и технократического класса, превращение гражданина в потребителя и бегство от политической свободы - все это можно проследить до послевоенного восстановления.<sup>91</sup> И в важных отношениях они представляют собой реакцию на межвоенные явления.<sup>92</sup>

Политический кризис в Европе сегодня подтверждает эту траекторию «авторитарного либерализма» и обостряет ее. Он представляет собой мутацию в социальной структуре европейских государств, более поэтапный политический авторитаризм, более принудительный и исполнительный по своей природе, а также все более асимметричный межправительственный подход и даже перспективу немецкой гегемонии. Тем не менее, это отражает «консервативную революцию» или «революцию сверху», направленную на укрепление порядка идей и интересов экономического либерализма (включая сложное сочетание классовых и национальных интересов).<sup>93</sup> Ярлык авторитарного либерализма должен теперь отражать эту смесь, принимая во внимание не только сворачивание и уклонение от демократии, преследуемой внутренними элитами и транснациональными институтами.<sup>94</sup>

Концепция суверенитета может помочь в этом, а также обеспечить более длинную фоновую нить и более полный исторический контекст. В современной политической философии суверенитет представляет собой автономию политической от теологической сферы.

Это отражает процесс секуляризации и модернизации оснований

---

<sup>91</sup> О роли европейской интеграции в этой динамике см. D Kelemen, Евролегалитизм: трансформация права и регулирования в Европейском Союзе (HUP 2011)

<sup>92</sup> См. Р Кристи, Карл Шмитт и Авторитарный либерализм: сильное государство, здоровая экономика (Кардифф, издательство Уэльского университета, 1997 год); о связях между межвоенной литературой Шмитта и неолиберализмом см. W Scheuerman, 'The Unholy Alliance of Carl Schmitt and Friedrich A Hayek' (1997) 4:2 Constellations 172 - 188.

<sup>93</sup> Этьен Балибар, «Революция Европы сверху», The Guardian, 23 ноября 2011 года. Этот вопрос подробно рассматривается в главе 5.

<sup>94</sup> См. Ульрих Бек, Немецкая Европа (Полити Пресс, 2013). Сложность термина «гегемония», а также его применение к немецкому доминированию в ЕС, недавно обсуждалось в Perry Anderson, Слово Н (Лондон, Verso, 2017). Более подробно она будет рассмотрена в главах 4 и 5.

политической власти. Он выражает новый порядок, который возник на волне революционных традиций конца восемнадцатого века во Франции и США.

Советское исключение исчезает с распадом СССР к концу тысячелетия, освященным новым «тезисом о конце истории» (с тех пор отвергнутым его автором) и триумфом либерального капитализма.

Однако этот взгляд социальной философии в узком свете тезиса о секуляризации, основанного на дифференциации политического от религиозного, исключает действие совместного развития. Если автономия политического представляется как борьба, не просто или даже не в первую очередь за секуляризацию, а за равенство (или, как выразился Этьен Балибар, «Эквалификация»), противопоставленная досовременному слиянию политической и экономической властей.<sup>95</sup> Затем подчеркивается непрерывная, хотя и неравномерная борьба за политическое равенство, всеобщее избирательное право и социальные права, включая женские движения, рабочие движения и, расширяя горизонт, антиколониальные движения.

«Марш масс на сцену истории», который начинается в конце 18 и продолжается до 19-го века, достигает кульминации в межвоенную эпоху, поворотного момента в истории, точки, в которой политическая демократия расширяется, и есть призывы распространить ее на экономику. в то же время, когда капитализм переживает наиболее значимые моменты кризиса, кульминацией которого стала депрессия начала 1930-х годов. В эти критические моменты демократический капитализм, если принять терминологию Вольфганга Штрика, представляется невозможным из-за повышенной напряженности между двумя его полюсами, один из которых требует демократической солидарности и социального продвижения, а другой требует рыночной рациональности и коммодификации.<sup>96</sup>

---

<sup>95</sup> См. Этьен Балибар, Эквалиберти: ПолТехнические эссе (Duke University Press, Дарем, 2014).

<sup>96</sup> Вольфганг Штрик, «Кризисы демократического капитализма» (2011) 71 Новый левый отзыв 5 - 29; Вольфганг

Стрек, Покупка времени: отсроченный кризис демократического капитализма (Оборотная сторона,

Государство (через свои институты управления) должно действовать более принудительно, чтобы поддерживать либеральный экономический порядок, в сочетании с его подавлением домашнего труда. Поскольку она так заметно вступает в схватку, нивелируя миф о «нейтральном» или «ночном сторожевом» состоянии классического либерального представления, идеи консервативной революции становятся как никогда актуальными.<sup>97</sup>

Как диагностировал Герман Хеллер в 1932 году, именно демократия была отброшена в сторону: либерализм стал авторитарным.<sup>98</sup>

Неудивительно, что идея консервативной революции всплывает сегодня в лице новых правых, ведь кризис парламентаризма обнажил нестабильность либерального проекта перед лицом конкурирующих политических притязаний и фрагментации и поляризации социальных сил.

Так же очевидно, что анализ материалов вновь начал привлекать к себе внимание после того, как последний кризис демократического капитализма поставил под серьезное сомнение устоявшиеся институты и стандартные предположения об их легитимности.

Но при нынешней конъюнктуре либеральной мысли, французской и американской революционных традиций уже очень сложно возвысить свой голос.<sup>99</sup> Этот дискурс, движимый нормативным проектом либерального индивидуализма, был аккомпанементом постепенной утраты любого коллективного, но вместе с тем локального понимания учредительной власти. Это означало, что, когда в Европе (и в других местах) недавно разразились кризисы, в который легко направлялись бы претензии, которые теперь часто характеризуются - и часто слишком небрежно отвергаются - как

---

2013)

<sup>97</sup> Для более ранней попытки развеять миф о слабом либеральном государстве см. Франц Нейман, «Изменение функции права в современном обществе» в Политическое и авторитарное государство (Нью-Йорк, Фри Пресс, 1957) 2268.

<sup>98</sup> Герман Хеллер, «Autoritärer Liberalismus», Новая Рундшау 44 (1933): 289-298 (в английском переводе «Авторитарный либерализм?» Европейский юридический журнал 21 (2015): 295-301 (перевод С. Полсона)). Этот вопрос рассматривается в главе 2.

<sup>99</sup> От Карла Шмитта, Эрика Фогелина и Константино Мортати на консервативном авторитарном крыле до Антонио Грамши на радикальном крыле через Германа Хеллера в социал-демократическом центре (см. Гольдони и Уилкинсон, above, для обсуждения).

политически популистские.<sup>100</sup>

### **3.2. Перспективы политической практики идей консервативной революции сегодня**

В значительной степени из-за собственной структуры ЕС, произошло дальнейшее «выхолащивание» демократии, что отразилось в появлении «пустоты» между правителями и управляемыми, поскольку левоцентристы и правоцентристы слились в практике и идеологии.<sup>101</sup> Это также открывает пространство для появления новых гибридов, перегибов авторитарного либерализма, включающих непростую, но не неудачную смесь технократии и популизма.<sup>102</sup>

Дискурс «восстановления суверенитета», столь заметный, кажется, имеет гораздо больше смысла (что не означает, что он обязательно будет реализован). Дело не в том, что суверенитет воспринимается как утраченный в результате эрозии демократического контроля над экономикой.<sup>103</sup> «Воспринимаемый» — здесь важное слово. Демократический контроль не обязательно равен эффективному контролю, по крайней мере, в краткосрочной перспективе.<sup>104</sup> Но в эпоху, когда практически все государства хотя бы на словах поддерживают идею демократического самоопределения, попытка восстановить либерально-демократическую и

---

<sup>100</sup> См., например, Ян-Вернер Мюллер, Что такое популизм? (University of Pennsylvania Press, 2016)

<sup>101</sup> О роли Европы в этом процессе деполитизации см. Питер Майр, Решение о пустоте (Verso 2013) 115 - 119.

<sup>102</sup> См., например, С. Accetti и С. Bickerton, 'Populism и технократия: противоположности или дополнения?' (2017) 20:2 Критический обзор международной социальной и политической философии 186 - 206.

<sup>103</sup> Об эрозии суверенитета в фазе кризиса евро см. Мартин Лафлин, «Эрозия суверенитета» (2016) 45:2 *Netherlands Journal of Legal Philosophy* 57 - 81. Аргумент, представленный в этой книге, прослеживает этот процесс эрозии несколькими десятилетиями ранее.

<sup>104</sup> Следует подчеркнуть, что выход из ЕС или еврозоны не подразумевает, что это снимет материальные минусы. Участники демократического политического процесса. Ограничения останутся, не в последнюю очередь финансовые рынки и геополитическое давление, которые существуют в государственной системе радикально неравных единиц. Ни то, ни другое не обязательно приведет к редемократизации экономики. Он может просто контролироваться другим набором элит. Выходить или оставаться в ЕС – это сложное политическое суждение, и больше об этом здесь говорить не будет.

экономическую стабильность, больше не может действовать даже на своих собственных условиях.

С современной либеральной повесткой «народ» является источником власти, но в чисто символическом смысле. Реальная борьба за власть разворачивается с течением времени, конфликты идентичности и (если мы расширим горизонт) - конфликты распределения, а также политического признания.<sup>105</sup> Борьба за власть может начаться как неформальные социальные движения, становясь более формально направленными политическими партиями. Требования могут стать институционализированными, как при включении материальных социальных требований в политическую программу, могут стать юридическими в форме социальных прав со всеми трудностями применения из-за препятствий на пути судов, обеспечивающих выполнение требований перераспределения.

Но им также могут препятствовать или подавлять их формальными средствами и неформальными, идеологическими и принудительными стратегиями, такими как рефрен о том, что нет альтернативы неолиберальной структурной реформе (TINA).<sup>106</sup> Захват политико-социальных изменений означает не только учет их формального направления, но и формирующей функции.

Имея в виду это, мы можем представить восстановление европейского государства и его социальной системы.<sup>107</sup> Идеологически это выражается в том, что ценности охраняются так называемыми «независимыми институтами» - независимыми от демократической воли, но не от

---

<sup>105</sup> О разнообразии антикапиталистической пограничной борьбы см. Нэнси Фрейзер, «За скрытой обителью Маркса: за расширенную концепцию капитализма» (2014) 86 Новый левый отзыв 55-72

<sup>106</sup> Для обсуждения см. Emilios Christodoulidis, 'Social Rights Constitutionalism: An Антагонистическое одобрение» (2017) 44:1 Журнал права и общества 123 - 149

<sup>107</sup> Обратите внимание, что основное внимание здесь уделяется проекту европейской интеграции, кульминацией которого является Европейский Союз, официально родившийся в Маастрихте, но аналогичную историю консервативной контрреволюции можно было бы рассказать о Европейской конвенции о правах человека (см., например, Марко Дуранти, Консервативная революция в области прав человека: европейская идентичность, транснациональная политика и происхождение Европейской конвенции (ОУП, 2017)). Эта история совместима с тем, что здесь рассказывается, и частично переплетена, но общий материал Считается, что значение ЕС намного перевешивает значение ЕСПЧ.

либеральных экономических практик и идей. Она может быть даже закреплена, как в случае с Германией, «оговоркой о вечности», пытаясь сделать суверенитет нерушимым.<sup>108</sup> Идея суверенитета выходит далеко за пределы Германии, часто представляя собой более широкий морализатор социальной теории и самой либеральной политики.<sup>109</sup> Эта трансформация сопровождается новым видением, которое возникает как во внутренних условиях, так и в рамках проекта европейской интеграции.<sup>110</sup>

Это фундаментальный сдвиг, потому что центральное место в современном политологическом представлении всегда занимало не только то, что полномочия государства должны быть ограничены (как рекомендует либерализм), но и то, что они должны быть ограничены во имя «народа» или, по крайней мере, узнаваемы как процесс коллективного самоограничения (как того требует народный суверенитет). Из-за динамики, лежащей в основе нео- и ордолиберального развития, нет четкого разделения экономических и политических сфер, потому что рыночная логика имеет тенденцию расширяться, доминируя во всех сферах общества.<sup>111</sup> Это произошло благодаря политическим решениям и либеральным изменениям.

Можно ожидать очевидного возражения против характеристики этих процессов как авторитарных, но этот формализм точно упускает из виду, что процесс европейской интеграции является процессом государственной и социальной трансформации, изменения внутривластных институтов и

---

<sup>108</sup> См. Вернер Хойн, Конституция Германии (Харт, 2010). Повествование «никогда больше» было только позже прочитано в этом предварительном и организационном документе, как показывает Микаэла Хайльброннер.s, см. Традиции и трансформация: подъем немецкого конституционализма (ОУП, 2015).

<sup>109</sup> Этот поворот часто вдохновлен юридической теорией Рональда Дворкина, например, в работе Маттиаса Кумма, рассмотренной в главе 4.

<sup>110</sup> Конечно, это имеет значительные национальные различия. О немецком контексте, см. Р. Птак, «Неолиберализм в Германии: пересмотр ордолиберальных основ социальной рыночной экономики» в Mirowski and Plehwe (eds), выше. О европейской экономической конституции см. W Sauter, 'The Economic Constitution of the European Union' (1998) Колумбийский журнал европейского права 27

<sup>111</sup> В критической литературе по международным отношениям, под ярлыком «нового конституционализма», это утверждение относительно хорошо обосновано, см., например, С. Гилл, Власть и сопротивление в Новом Мировом Порядке (Бейсингсток и Нью-Йорк, Палгрейв Макмиллан, 2003).

элит (правлящих устройств).<sup>112</sup> Он устанавливает пределы того, что политически возможно или, по крайней мере, то, что политически осуществимо.

С нынешней точки зрения нестабильность современного политического урегулирования, которое менее двух десятилетий назад считалось символом «модели для народов мира в XXI веке»<sup>7</sup>,<sup>113</sup> теперь становится полностью видимой.<sup>114</sup> Движения за пределами установленного центра начинают медленно, но возвращаться, и были возрождены аргументы в пользу восстановления суверенитета над границами, над людьми и над капиталом. Было много дискуссий о явлениях правого национализма в Венгрии и, в последнее время, в Польше, а также о левых партиях в Греции и Испании, которые выросли из движений против жесткой экономии. Но изменение политического ландшафта произошло не только в периферийных странах, опустошенных экономическим кризисом, но и в ядре Европы. На федеральных выборах 2017 года крайне правая партия «Альтернатива немецкой земли» впервые со времен Второй мировой войны вошла в немецкий парламент. Президентские выборы во Франции в том же году столкнули Эммануэля Макрона, возглавляющего новую формацию «en Marche», с Марин Ле Пен из Национального фронта. В Италии в следующем году отказ назначить евроскептического министра финансов спровоцировал небольшой социальный кризис после того, как выборы 2018 года создали коалицию между правой «Лигой» и центристско-популистским «Движением пяти звезд». Мягкий либерализм, теперь сопровождается авторитарным популизмом, который, похоже, останется.<sup>115</sup> Все это происходит внутри Европейского Союза.

---

<sup>112</sup> Это один из способов понимания признания в Миллере, см. R v Государственный секретарь по выходу из Европейский союз [2017] УКСК 5.

<sup>113</sup> См. Марк Леонард, Почему Европа будет управлять 21<sup>ый</sup> Век (Четвертая власть, 2005 год).

<sup>114</sup> Вскоре после кризиса французский философ Этьен Балибар описал Европу как «мертвый» политический проект, см. «Европа: окончательный кризис? Некоторые тезисы (2010) Теория и событие.

<sup>115</sup> Карл Полањи, Великая трансформация: политическая и экономическая Истоки нашего времени (Beacon Press 2001 [1944]). Теория Полањи рассматривается в главе 3.

Примечательно, что авторитарная популистская реакция в Центральной и Восточной Европе на быстрый переход к рыночному капитализму после вступления в ЕС, перегиб, а не разрыв неолиберальной экономики, была разрешена, если не потворствовала; в то время как «прогрессивный» ответ - попытка порвать с неолиберальной политикой был подавлен. Возможно именно так проснется «старая» Европа, претендующая на то, чтобы заполнить «пустоту», возникшую за десятилетия скрытого авторитарного либерализма.

Поскольку вина за авторитарный популизм теперь возлагается правящими классами, а также большей частью академических комментариев на дефицит либерализма, а не на недостаток, политические и социальные элиты удваивают авторитарные проекты интеграции. Нео-либерализм объявлен единственной «игрой в городе»<sup>116</sup> те, кто оспаривает его, карикатурно изображаются как неевропейские, составляющие «врага внутри» Европейского Союза.<sup>117</sup> Все чаще появляются признаки появления нового «врага без», поскольку Россия приобретает новое геополитическое значение в либеральном воображении, но еще не такое, которое могло бы объединить внешнюю политику по всему континенту.<sup>118</sup> Если идеи консервативного характера просто высмеиваются, часто отвергается в небрежной и недифференцированной манере, его риторике подражают европейские элиты в попытке копировать его привлекательность.<sup>119</sup>

Особенностью данного исследования является то, что, иллюстрируя глубины либерализма нынешней конъюнктуры, подчеркивается серьезность

---

<sup>116</sup> См. «Интервью Дональда Туска», 16<sup>й</sup> Июль, 2015 в FT, Греция: Доналд Туск предупреждает об экстремистской политической заразе' Марио Драги, отмечая, что «денежная конституция ЕЦБ прочно основана на принципах ордолиберализма», см. «Вступительное слово на сессии «Переосмысление ограничений денежно-кредитной политики», Выступление Марио Драги, Музей Исраел, Джерусалет, 18 Июнь, 2013

<sup>117</sup> См., например, Удо ди Фабио, «Карлсруэ делает направление» (2014) 15 Герман Лав Журнал 107

<sup>118</sup> Примечательно, что в инициативе Хабермаса/Деррида, запущенной в 2003 году, в ответ на вторжение в Ирак, именно США сыграли шмиттовскую фольгу для европейского гуманизма, см. «15 февраля или Что связывает европу вместе?» (2003) 10 Созвездий 291.

<sup>119</sup> Как и в случае с попыткой президента Комиссии фон дер Ляйен обозначить портфель для защиты «европейского образа жизни»

изменений в современной Европе. Куда ведет эта конъюнктура, еще предстоит выяснить; ситуация нестабильна, длительный период политико-социального кризиса, начавшийся после войны, еще не урегулирован. Это может быть возвращением к идеям консервативной революции и ее пути, который в значительной степени был оставлен без внимания в течение последних десятилетий, но и ко всем возможностям и рискам, которые с ним связаны.

### **Выводы по главе 3**

В попытке определить возможна ли реализация идей консервативной революции и новых правх сегодня, мы наталкиваемся на непробиваемость современного либерального дискурса, господствующего на западе. Это парадигмально другое положение дел, потому что центральное место в современном политологическом представлении всегда занимало не только то, что полномочия государства должны быть ограничены (как рекомендует либерализм), но и то, что они должны быть ограничены во имя «народа» или, по крайней мере, узнаваемы как процесс коллективного самоограничения (как того требует народный суверенитет). Неудивительно, что идея консервативной революции всплывает сегодня в лице новых правых, ведь кризис парламентаризма обнажил нестабильность либерального проекта перед лицом конкурирующих политических притязаний и фрагментации и поляризации социальных сил.

## Заключение

Консерватизм в широком смысле, как социально- философская установка, существовал всегда. Это понятие выражает выражает инстинктивный человеческий страх перед внезапными переменами и склонность к привычным действиям. Самым простым будет деление на «современный консерватизм» и «естественный консерватизм», из которого последний возникает и от которого зависит, который можно найти почти в каждом человеческом сознании. Что касается эволюции консерватизма, ключевой была Французская революция 1789 года. Для многих мыслителей эта революция была освобождением человеческого духа, утверждением разума против иррациональной феодальной власти. Революция отражала отношение Просвещения к истории, которое оно рассматривало не как неизбежное осуществление божественного плана, а как открытую для управления просвещенным разумом, выраженную в социальной и образовательной реформе. Хотя консервативные мыслители выступали против Французской революции, их отношение к Просвещению вызывает споры. Берк, как мы видим, ведущий консервативный мыслитель, часто ассоциируется с тем, что Исайя Берлин называл «Контрпросвещением». Важно признать, что точное появление консерватизма после 1789 года оспаривается. Некоторые авторы утверждают, что идеология консерватизма не была сформулирована до 1880-х и 90-х годов. Центральное место в консерватизме занимает понятие традиции, сознательное и контрастное использование которого возникает только в современности. В конце XVIII века особенно важной как политически, так и социально стала мобилизация «прошлого» как явного политического ресурса, и подчеркивалось противопоставление «традиционного» и «современного» — «древнего» и «новодела». Политическая философия Берка была ранним примером этого процесса. Эта мобилизация была связана с «изобретением традиции»<sup>120</sup>, когда массовое производство «традиционных» артефактов установило

---

<sup>120</sup> (Hobsbawm and Ranger, 1983)

вымышленную органическую связь между прошлым и настоящим, консерватизм исходит из испытанного, опираясь не на чистый разум, а на то, что Э. Берк назвал «скрытой мудростью» предрассудков, инстинктов и привычек, накапливающихся из поколения в поколение. Для Р. Кирка «предубеждение — это не фанатизм или суеверие», консерваторы отвергают концепцию либералов об абстрактных, внеисторических и универсальных правах, вытекающих из природы человеческой деятельности и автономии, которыми обладали даже тогда, когда они не признавались, например, рабами в Древней Греции<sup>121</sup>. Для консерваторов априори утверждения, подобные утверждению Л. Т. Хобхауса «Настоящая цель правительства — раскрытие гражданских свобод», ошибочны. Однако противопоставление либерализму и его точке зрения свободы следует оговорить — противопоставление не абсолютное, а вопрос баланса и тона. Консерватизм не держится на защите дворянства-землевладельца, монархии и господствующей церкви, так что даже если, например, в Соединенных Штатах их нет, американский консерватизм возможен.

В данном исследовании были определены идеологические основы консервативной революции как интеллектуального течения XX века, а так же рассмотрены консервативные идеи, которые были предтечей этого течения.

Мы отметили более недавнее восприятие консервативной философии Шпенглера, Шмитта, Бёрка и Ницше у европейских новых правых и идентаризме, их работы были изучены и подвергнуты критике почти всеми основными интеллектуалами консервативной мысли XX века, включая Алена де Бенуа, Э. Юнгера, А. Мёллера, Х. Фрайера, Ю. Эволу, К. Хаусхофера, чьи взгляды мы так же проанализировали и изложили в работе. Майкл Окшотт (1901–1990) был последним крупным представителем идеалистической традиции, которая пережила период расцвета в англоязычной философии в

---

<sup>121</sup> (об абстрактных правах см., например, Gewirth 1983)

конце XIX -го и начале XX -го веков. Его считали либералом<sup>122</sup>, в то время как другие приписывают ему вышеупомянутое индивидуалистическое право<sup>123</sup>. Но Окшотта обычно считают самым важным современным консерватором. Его главной целью является то, что он называет «рационализмом», позицию, разделяемую либералами и социалистами, которая направлена на достижение целей, поставленных планом: консерватор не будет иметь ничего общего с нововведениями, предназначенными для решения чисто гипотетических ситуаций; он будет откладывать изменение правил до тех пор, пока не станет ясно, что изменение обстоятельств, которое они призваны отражать, не исчезло; он будет с подозрением относиться к правителям, которые требуют экстраординарных полномочий, чтобы произвести большие изменения, и чьи высказывания связаны с такими общими понятиями, как «общественное благо» или «социальная справедливость».<sup>124</sup>

Подъем радикальных «новых правых» на большей части глобального политического пространства является одним из самых ярких политических событий последних лет. Растущая электоральная поддержка и общественная известность во многих странах, она оказала значительное влияние на внутреннюю политику международных вопросов и на политический дискурс, особенно в таких областях, как иммиграция и экономическая глобализация. Был описан генезис зарождения движения «новые правые» и выделена преемственность идей у течения консервативной революции.

Согласно этой новой культурной философии, подлинная европейская культура представлена многочисленными традициями, уходящими корнями в самые древние европейские культуры, и должна быть представлена как несовместимая с современным «Западом», который является культурной эманацией раннего современного либерализма, эгалитаризма и индивидуализма, поэтому непосредственная реализация идей как течения

---

<sup>122</sup> (Franco 2004)

<sup>123</sup> (Anderson 1992: 7)

<sup>124</sup> (Окшотт 1991: 127)

консервативной революции, так и движения новых правых, представляется затруднительной. Однако теоретически данная тема не является исчерпаной, так как в виду особого положения этого контрпросвещенческого дискурса в целом, его неактуальность можно будет фиксировать только после завершения Просвещения как проекта, что на данном историческом этапе возможным не является, в силу данностей человеческой природы.

Само количество критических монографий, пытающихся поставить под сомнение целостность консервативной революции или же просто деконструировать термин, говорит в пользу его высокого эвристического значения

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Aschheim c. E. The Nietzsche Legacy in Germany : 1890-1990 / Steven E. Aschheim // Weimar and Now : German Cultural Criticism. - Berkeley, Los Angeles, Oxford : University of California Press, 1994. - Vol. 2. - 337 p.
2. Bataille G. Nietzsche et les fascistes. Une reparation par G. Bataille, P. Klossowski, A. Masson, J. Rollin, J. Wahl / Georges Bataille // Acéphale (Religion, sociologie, philosophie). - 1937. - № 2. - P. 3-21.
3. Benn G. After Nihilism / Gottfried Benn // The Weimar Republic Sourcebook ; [ed. by Anton Kaes, Martin Jay, Edward Dimendberg. First published in : Nach dem Nihilismus (Berlin : Gustav Kiepenheuer, 1932, 717)]. - Berkley / Los Angeles / London : University of California Press, 1995. - Pp. 380-384.
4. Bishop P. The Dionysian Self : C.G. Jung's Reception of Friedrich Nietzsche / Paul Bishop. - Berlin / New York : Walter de Gruyter, 1995. - 411 p.
5. Breuer c. Anatomie der konservativen Revolution / Stefan Breuer. - Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993. - 232 c.
6. De Bonald L. Observations sur l'ouvrage de Madame la Baronne de Stael, ayant pour titre: Considerations sur les principaux evenements de la revolution francaise. — Paris: Imprimeur N.c.P. le Pape et de l' Archeveche de Paris, 1818. — 139 p.
7. De Maistre J. Considerations sur la France: principe generateur des constitutions politiques, etc. delais de la justice divine. Du pape. De l'eglise Gallicane. — Paris: Imprimerie Catholique de Migne, 1841. — 643 p.
8. Diethe C. Historical Dictionary of Nietzscheanism / Carol Diethe // Historical Dictionaries of Religions, Philosophies, and Movements Series (2<sup>nd</sup> ed.). - Lanham, Maryland ; Toronto ; Plymouth, UK : Scarecrow Press, 2007. - Book 75. - 424 p.
9. Dostojewski F. Sämtliche Werke in 25 Bänden ; [unter Mitarbeit von Dimitri Mereschkowski, hrsg. von Moeller van den Bruck, ubertragung E. K.

- Rahsin, 1. Auflage] / Fjodor Dostojewski. - Munchen : R. Piper & Co, 1922-1925.
10. Eliade M. *Cosmos and History : The Myth of the Eternal Return* / Mircea Eliade ; [Trans. by Willard R. Trask]. - New York : Harper & Brothers, 1954. - 176 p.
  11. Ergang R. Moser and the Rise of National Thought in Germany // *The Journal of Modern History: The University of Chicago Press*. — 1993. — Volume 5. — No. 2. — Pp. 172 — 196.
  12. Ernst Junger-Martin Heidegger : Briefwechsel 1949-1975 ; [Unter Mitarbeit von Simone Maier ; hrsg., kommentiert und mit einem Nachwort versehen von Gunter Figal]. - Stuttgart : Klett-Cotta ; Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 2008. - 317 c.
  13. Faye G. *Archeofuturism : European Visions of the Post-Catastrophic Age* ; [trans. by Sergio Knipe ] / Guillaume Faye. - London : Arktos, 2010. - 249 p.
  14. Figal G. Erörterung des Nihilismus. Ernst Junger und Martin Heidegger / Gunter Figal. - *Etudes Germanistiques*, 1996. - № 51. - c. 717-725.
  15. Fischer H. *Nietzsche Apostata : oder Die Philosophie des Ärgernisses* / Hugo Fischer. - Erfurt : K. Stenger, 1931. - 313 c.
  16. Forrest D. c. *Suprahumanism : European Man and the Regeneration of History* / Daniel S Forrest. - London : Arktos, 2014. - 268 p.
- Georg Lukacs. - *Atlantic Highlands, NJ : Humanities Press*, 1981. - 865 p.
17. George c. *Das Neue Reich* / Stefan George // *Sämtliche Werke in 18 Bänden* ;[Hrsg. Von Ute Oelmann, 1. Auflage]. - Band 9. - Stuttgart : Klett-Cotta, 2011. - 149 c.
  18. George c. *Der Stern des Bundes* / Stefan George // *Stefan George Stiftung*, bearbeitet von Ute Oelmann, 2. Auflage]. - Band 8. - Stuttgart : Klett-Cotta, 2011. - 153 c.
  19. Goebbels J. *The Racial Question and World Propaganda* // *Rassenfrage und Weltpropaganda. Reichs- tagung in Nürnberg*. Berlin: Vaterlandischer Verlag C. A. Weller, 1933. c. 131-142. URL: [https:// research. cal-](https://research.cal-)

vin.edu/german-propaganda-archive/goeb41 .htm (дата обращения: 22.02.2022).

20. Greiffenhagen M. Das Dilemma des Konservatismus in Deutschland / Martin Greiffenhagen. - Munchen : Piper, 1977. - 425 с.

21. Guillaume Faye on Nietzsche ; [trans. by Greg Johnson]. - [Электронный документ]. - Режим доступа: <https://www.counter-currents.com/2012/07/guillaume-faye-on-nietzsche/>

22. Habermas J. On Nietzsche's Theory of Knowledge : A Postscript from 1968 / Jurgen Habermas // Nietzsche, Theories of Knowledge, and Critical Theory : Nietzsche and the Sciences [ed. by Babette Babich and Robert E. Cohen]. - Dordrecht : Kluwer Academic Publishers. - Boston Studies in the Philosophy and History of Science. - Vol. 203. - Pp. 209-223.

23. Habermas J. The Philosophical Discourse of Modernity : Twelve Lectures [trans. by Frederick G. Lawrence] / Jurgen Habermas. - Cambridge, UK : John Wiley & Sons, 2018. - 456 p.

24. Heidegger M. "Nur ein Gott kann uns noch retten" / Martin Heidegger. - Der Spiegel. - № 23. - 1976. - с. 193-219.

25. Heidegger M. Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis) / Martin Heidegger // Gesamtausgabe : in 102 Bänden ; [herausgegeben von Friedrich-Wilhelm von Herrmann, III. Abteilung: U nveröffentlichte Abhandlungen / Vorträge - Gedachtes]. - Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1989. - Bd. 65.- 521 с.

26. Heidegger M. Brief über den Humanismus / Martin Heidegger // Gesamtausgabe : in 102 Bänden ; [herausgegeben von Friedrich-Wilhelm von Herrmann, 1. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1914-1970]. - Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1989. - Bd. 9 : Wegmarken. - с. 313-364.

27. Heidegger M. Das Rektorat 1933/34 - Tatsachen und Gedanken (1945) / Martin Heidegger // Gesamtausgabe : in 102 Bänden ; [hrsg. von Hermann Heidegger, I. Abteilung : Veröffentlichte Schriften 1910-1976]. - Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 2000. - Bd. 16 : Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges. - с. 372-394.

28. Heidegger M. Der deutsche Student als Arbeiter (Rede am 25. November 1933) / Martin Heidegger // Gesamtausgabe : in 102 Bänden ; [hrsg. von Hermann Heidegger, I. Abteilung : Veröffentlichte Schriften 1910-1976].- Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 2000. - Bd. 16 : Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges. - c. 198-208.

29. Heidegger M. Die Grundbegriffe der Metaphysik. Welt - Endlichkeit - Einsamkeit (Wintersemester 1929/30) / Martin Heidegger // Gesamtausgabe : in 102 Bänden ; [Hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann]. - Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1983. - Bd. 29/30. - 544 c.

30. Heidegger M. Die Selbstbehauptung der Deutsche Universität (27. Mai 1933) / Martin Heidegger // Gesamtausgabe : in 102 Bänden ; [hrsg. von Hermann Heidegger, I. Abteilung : Veröffentlichte Schriften 1910-1976].- Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 2000. - Bd. 16 : Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges. - c.107-117.

31. Heidegger M. Die Zeit des Weltbildes / Martin Heidegger // Gesamtausgabe : in 102 Bänden ; [herausgegeben von Friedrich-Wilhelm von Herrmann, I. Abteilung : Veröffentlichte Schriften 1914-1970]. - Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1977. - Bd. 5 : Holzwege. - c. 75-113.

32. Heidegger M. Einführung in die Metaphysik (Sommersemester 1935) / Martin Heidegger // Gesamtausgabe : in 102 Bänden ; [hrsg. von Petra Jaeger, Abteilung II : Vorlesungen 1923-1944]. - Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1977. - Bd. 40. - 234 c.

33. Heidegger M. Nietzsche : Der europäische Nihilismus / Martin Heidegger // Gesamtausgabe : in 102 Bänden ; [herausgegeben von Brigitte Schillbach].- Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1997. - Bd. 6.2. - c. 23-229.

34. Heidegger M. Nietzsche : The Will to Power as Art ; [ed. and trans. by David Farrell Krell] / Martin Heidegger. - San Francisco : Harper Collins, 1991. - Vol. 1. - Pp. 1-220.

35. Heidegger M. Nietzsches Lehre vom Willen zur Macht als

Erkenntnis (Sommersemester 1939) / Martin Heidegger // Gesamtausgabe : in 102 Bänden ; [Hrsg. von Eberhard Hanser, II. Abteilung : Vorlesungen 1919/1944 (Freiburger Vorlesungen 1928-1944)]. - Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1989. - B. 47. - 330 c.

36. Heidegger M. Nietzsches Wort "Gott ist tot" / Martin Heidegger // Gesamtausgabe : in 102 Bänden ; [herausgegeben von Friedrich-Wilhelm von Herrmann, 1. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1914-1970]. - Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1977. - Bd. 5 : Holzwege. - c. 209-267.

37. Heidegger M. On Ernst Junger (1) / Martin Heidegger // The Heidegger Reader ; [ed. with an introduction by Gunter Figal, trans. by Jerome Veith]. -Bloomington, IN : Indiana University Press, 2009. - Pp. 189-200.

38. Heidegger M. Über Die Linie / Martin Heidegger // Freundschaftliche Begegnungen : Festschrift für Ernst Junger zum 60. - Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1955. - c. 9-45.

39. Heidegger M. Überlegungen II-IV (Schwarze Hefte 1931-1938) / Martin Heidegger // Gesamtausgabe : in 102 Bänden ; [hrsg. von Peter Trawny].- Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 2014. - Bd. 94. - 536 c.

40. Heidegger M. Zur Seinsfrage / Martin Heidegger // Gesamtausgabe : in 102 Bänden ; [herausgegeben von Friedrich-Wilhelm von Herrmann, 1. Abteilung : Veröffentlichte Schriften 1914-1970]. - Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1989. - Bd. 9 : Wegmarken. - c. 385-426.

41. Heidegger M. Zu Ernst Junger / Martin Heidegger // Gesamtausgabe : in 102 Bänden ; [hrsg. von Peter Trawny, IV. Abteilung : Hinweise und Aufzeichnungen]. - Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 2003. - Bd. 90. - 472 c.

42. Herf J. Reactionary Modernism : Technology, Culture and Politics in Weimar and the Third Reich / Jeffrey Herf. - Cambridge : Cambridge University Press, 1984. - 251 p.

43. Hervier J. The Details of Time : Conversations with Ernst Junger / Julien Hervier ; [trans. by Joachim Neugroschel]. - NY : Marsilo Publishers, 1995.

-139 p.

44. Herzinger R. Feldzeichen des Nichts : Die Gewaltphilosophie der Konservativen Revolution und der Chiasmus der deutschen Übermoderne / Richard Herzinger // Jahrbuch für Literatur in Deutschland, 1 : Gewalt, Faszination und Furcht ; [ed. by Franke Meyer]. - Leipzig : Gosan, 1994.- c. 72-95.

45. Hielscher F. Das Reich / Friedrich Hielscher. - Berlin : Das Reich, 1931. - 380 c.

46. Hielscher F. Funzig Jahre unter Deutschen / Friedrich Hielscher.- Hamburg : Rowohlt, 1954. - 483 c.

47. Hoffmann P. Stauffenberg : A Family History, 1905-1944 ; [revised and trans. by the author] / Peter Hoffmann. - Cambridge : Cambridge University Press, 1995. - 424 p.

48. Hofmannsthal H. von. Das Schrifttum als geistiger Raum der Nation / Hugo von Hofmannsthal // Gesammelte Werke in Einzelausgaben. Prosa ; [hrsg. von Herbert Steiner]. - Band IV. - Frankfurt am Main : Fischer, 1955. - c. 390-414.

49. Hölderlin F. Brod und Wein / Bread and Wine / Friedrich Hölderlin // Hyperion and Selected Poems ; [ed. by Eric L. Santner]. - New York : The Continuum Publishing Company, 1990. - Pp. 178-188.

50. Hölderlin F. Die Titanen / Friedrich Hölderlin // Sämtliche Werke. Große Stuttgarter Ausgabe : in 8 Bänden ; [Hg. v. Friedrich BeiBner]. - Stuttgart : Kohlhammer Verlag, 1951. - Bd. 2.1 : Gedichte nach 1800. - c. 217-219.

51. Hölderlin F. Germanien / Germania / Friedrich Hölderlin //

52. Hölderlin F. Natur und Kunst oder Saturn und Jupiter / Nature and Art or Saturn and Jupiter / Friedrich Hölderlin // Hyperion and Selected Poems ; [ed. by Eric L. Santner]. - New York : The Continuum Publishing Company, 1990. - Pp. 150-152.

Hyperion and Selected Poems ; [ed. by Eric L. Santner]. - New York : The Continuum Publishing Company, 1990. - Pp. 208-215.

53. Jaspers K. Nietzsche : Einführung in das Verständnis seines

Philosophierens / Karl Jaspers. - Berlin / New York : Walter de Gruyter, 1981. - 487 c.

54. Jung E.J. Germany and the Conservative Revolution / Edgar Julius Jung // The Weimar Republic Sourcebook ; [ed. by Anton Kaes, Martin Jay, Edward Dimendberg. First published in : Deutsche über Deutschland (Munich : Albert Langen, 1932, 369-382)]. - Berkley / Los Angeles / London : University of California Press, 1995. - Pp. 352-354.

55. Junger E. Aladdin's Problem / Ernst Junger ; [trans. by Joachim Neugroschel]. - New York : Marsilio Publisher Corporation, 1992. - 136 p.

56. Junger E. An der Zeitmauer / Ernst Junger // Werke in 10 Bänden : Essays II. Der Arbeiter. - Stuttgart : Ernst Klett, 1963. - Bd. 6. - c. 407-661.

57. Junger E. Das abenteuerliche Herz. Erste Fassung / Ernst Junger // Werke in 10 Bänden : Essays III. Das Abenteuerliche Herz. Erste Fassung. - Stuttgart : Ernst Klett, 1963. - Bd. 7. - c. 25-176.

58. Junger E. Der Arbeiter / Ernst Junger // Werke in 10 Bänden : Essays II. Der Arbeiter. - Stuttgart : Ernst Klett, 1963. - Bd. 6. - c. 9-229.

59. Junger E. On Pain ; [trans. by David C. Durst] / Ernst Junger. - New York : Telos Press Publishing, 2008. - 47 p.

60. Junger E. Skulls and Reefs / Ernst Junger // Kronos. Philosophical Journal ; [transl. by Joel Feinberg]. - Warsaw : Fundacja Augusta hr. Cieszkowskiego. - Vol. VI. - Pp. 5-12.

61. Junger E. Über die Linie / Ernst Junger // Anteile. Festschrift für Martin Heidegger zum 60. Geburtstag. - Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1950. - c. 245-284.

62. Junger E. Über die Linie / Ernst Junger // Werke in 10 Bänden : Essays I. Betrachtungen zur Zeit. - Stuttgart : Ernst Klett, 1960. - Band 5. - c. 245-289.

63. Junger F. G. Griechische Mythen ; [5. Auflage] / Friedrich Georg Junger. - Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 2001. - 336 c.

64. Junger F. G. Nietzsche / Friedrich Georg Junger. - Frankfurt am

Main : Vittorio Klostermann, 1949. - 172 c.

65. Junger F. G. *The Failure of Technology : Perfection Without Purpose* ; [trans. by F. D. Wieck, 1st edition] / Friedrich Georg Junger. - Hinsdale : Henry Regnery Company. - 186 p.

66. Kantorowicz E. *Das Geheime Deutschland. Vorlesung, gehalten bei der Wiederaufnahme der Lehrtätigkeit am 14. November 1933* / Ernst Kantorowicz // Ernst Kantorowicz. *Erträge der Doppeltagung Institute for Advanced Study, Princeton, Johann Wolfgang Goethe-Universität, Frankfurt* ;[hrsg. von Benson Robert L., Fried Johannes]. - Stuttgart : Steiner, 1997.- c. 77-93.

67. Kiesel H. *Wissenschaftliche Diagnose und dichterische Vision der Moderne. Max Weber und Ernst Junger* / Helmuth Kiesel. - Heidelberg : Manutius Verlag, 1994. - 222 c.

68. Klemperer K. von. *Germany's New Conservatism : Its History and Dillema in the Twentieth Century* / Klemens von Klemperer. - Princeton : Princeton University Press, 2015. - 284 p.

69. Koslowski P. *Der Mythos der Moderne die dichterische Philosophie Ernst Jungers* / Peter Koslowski. - Munchen : Wilhelm Fink Verlag, 1991. - 200 c.

70. Kriek E. *Völkisch-politische Anthropologie : Erster Teil : Die Wirklichkeit* / Ernst Kriek. - Leipzig : Armanen-Verlag, 1936. - 119 c.

71. Locchi G. *Wagner, Nietzsche e il mito sovrumanista* / Giorgio Locchi.- Roma : Akropolis, 1982. - 212 p.

72. Löwith K. *Nietzsche's Philosophy of the Eternal Recurrence of the Same* ; [trans. by J. Harvey Lomax] / Karl Löwith. - Berkley : University of California Press, 1997. - 276 p.

73. Löwith K. *Von Hegel zu Nietzsche - Der revolutionäre Bruch im Denken des neunzehnten Jahrhunderts* / Karl Löwith // *Sämtliche Schriften* : in 9 Bänden. - Stuttgart : Metzler, 1988. - Bd. 4. - c. 1-490.

74. Lukacs G. *The Destruction of Reason* ; [trans. by Peter Palmer] /

75. Magub R. Edgar Julius Jung, Right-wing Enemy of the Nazis : A Political Biography / Roshan Magub. - Rochester, New York : Camden House, 2017. -312 p.
76. Mann T. Adel des Geistes. Zwanzig Versuche zum Problem der Humanität / Thomas Mann. - Berlin : Aufbau-Verlag, 1956. - 798 c.
77. Mann T. Die Betrachtungen eines Unpolitischen / Thomas Mann // Gesammelte Werke in dreizehn Bänden, 2. Auflage. - Band 12 : Reden und Aufsätze 4. - Frankfurt am Main : Fischer, 1974. - c. 9-589.
78. Mann T. MaB und Wert : Vorwort zum ersten Jahrgang (1937) / Thomas Mann // Gesammelte Werke in dreizehn Bänden, 2. Auflage. - Band 12 : Reden und Aufsätze 4. - Frankfurt am Main : Fischer, 1974. - c. 798 - 812.
79. Mann T. Russische Anthologie / Thomas Mann // Gesammelte Werke in dreizehn Bänden. - Band 10 : Reden und Aufsätze 2. - Frankfurt am Main : Fischer, 1974. - 1151 c.
80. McNeill W. Heidegger's Hölderlin Lectures / William McNeill // The Bloomsbury Companion to Heidegger ; [ed. by F. Raffoul & E. Nelson].- New York : Bloomsbury, 2013. - Pp. 223-235.
81. Mehring R. Carl Schmitt : Aufstieg und Fall. Eine Biographie / Reinhard Mehring. - Munchen : C. H. Beck, 2009. - 749 c.
82. Mehring R. Martin Heidegger und die "konservative Revolution" / Reinhard Mehring. - Freiburg im Breisgau / Munchen : Karl Alber, 2019. - 232 c.
83. Menczer B. Catholic Political Thought 1789-1848. — South Bend: University of Notre Dame Press, 1962. - 205 p.
84. Moeller van den Bruck A. Germany's Third Empire ; [trans. by Emily Overend Lorimer, 3rd edition] / Arthur Moeller van den Bruck. - London : Arktos, 2012. - 254 p.
85. Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918-1932 : ein Handbuch ; [Dritte, um einen Ergänzungsband erweiterte Auflage] / Armin Mohler. - Darmstadt : Wic. Buchges, 1989. - 554 c.
86. Mohler A., Weißmann K. Die konservative Revolution in

Deutschland 1918-1932 : ein Handbuch ; [6., völlig überarb. und erw. Aufl.] / Armin Mohler ; Karlheinz Weißmann. - Graz : Ares-Verlag, 2005. - 643 с.

87. Niekisch E. Gewagtes Leben. Begegnungen und Begebnisse / Ernst Niekisch. - Köln, Berlin : Kiepenheuer & Witsch, 1958. - 390 с.

88. Nietzsche F. An Heinrich Köselitz in Venedig / Friedrich Nietzsche // Sämtliche Briefe : Kritische Studienausgabe in 8 Bänden ; [hrsg. von G. Colli und M. Montinari, 2. Auflage]. - München : Deutscher Taschenbuch Verlag / New York : Walter de Gruyter, 1986. - Bd. 1 : Juni 1850- September 1864. - с. 211-213.

89. The works of the Right Honourable Edmund Burke. V. II (of 12). 1887 yr. / Project Gutenberg. — URL: [https://www.gutenberg.org/files/15198/15198-h/15198-h.htm#GUILDHALL\\_IN\\_BRISTOL](https://www.gutenberg.org/files/15198/15198-h/15198-h.htm#GUILDHALL_IN_BRISTOL).

90. Артамошин С.В. Идеиные истоки национал- социализма. Брянск: Изд-во БГУ, 2002. 184 с.

91. Артамошин С.В. Национал-большевизм и консервативная революция в Германии в поисках политических союзников // Вестн. Брянского гос. унта. 2019. № 4 (42). С. 29-34.

92. Бёрк Э. Правление, политика и общество: сборник. — М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле: «Публикации ЦФС», 2001 г. — 489 с.

93. Бёрк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. — М.: Рудомино, 1993 г. — 144 с.

94. Бёрк Э., де Местр Ж. Консерваторы. Без либералов и революций. — М.: Алгоритм, 2017. — 240 с.

95. Гузикова М.А. «Тотальная мобилизация» Эрнста Юнгера как проект модерности: историческая реконструкция и интерпретация: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. 166 с.

96. де Местр Ж. Сочинения. — М.: Владимир Даль: «Civitas Terrena», 2007. — 300 с.

97. Маас С. Борец за Третий рейх Артур Мёллер ван ден Брук /

сокращ. пер. с нем. с предисл. А. де Бенуа. Киль: Регин-Ферлаг, 2010. Т. 2. 132 с.

98. Мёллер ван ден Брук А. Третий рейх // Полис. Политические исследования. 2003. № 5. С. 118-134.

99. Немецкая историческая школа права. — Челябинск: Социум, 2010. — 528 с.

100. Терехов О.Э. Феномен «консервативной революции» в историографии ФРГ : основные концепции и проблемы интерпретации. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2011. 192 с.

101. Терехов О.Э. Э.Ю. Юнг как идеолог «консервативной революции» в освещении германской историографии // Вестн. КемГУ. 2012. № 3 (51). С. 101-105.

102. Филиппов А.Ф. Ханс Фрайер: социология радикального консерватизма. Послесловие к книге Фрайер Х. Революция справа / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. М. : Праксис, 2008. 144 с.

103. Шпенглер О. Пруссачество и социализм / пер. с нем. Г.Д. Гурвича. М.: Праксис, 2002. 240 с.

104. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт // Тотальная мобилизация. О боли / пер. с нем. А.В. Михайловского; под ред. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2000. 539 с.